

МЕНТАЛИТЕТ И ЭГРЕГОР

Александров Н.Н.

Перед вами, любезный читатель, вторая глава из моей книги «МЕНТОСФЕРА». Я даже обложку для книги нарисовал, но потом отчаялся ее издать, и просто забыл о ней. Значит, время не пришло.

Но время всему приходит. Глядишь, помаленьку и этот текст напечатается, хотя бы вот так, по частям. А заодно и проверку пройдет.

Затрагивать тему, вынесенную в заглавие, я не хотел. Но, к сожалению, мои коллеги трактуют менталитет как угодно, но только не так, как это уже понял я. Причем, понял не так давно, предыдущие книги данного понимания еще не содержат. И как сказал один из моих друзей – доктор наук по социологии, причем, из приличных обществоведов, «ты своей долбанной теорией менталитета мне всю науку порушил. Я теперь все время об этом думаю». Извини. Так получилось. Ничего личного.

ЧАСТЬ 1. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ

Чтобы подойти к теме «Человечество как новое в эволюции», следует внести ясность относительно понятия «*эволюция*». Тут мы имеем массу всяких особенностей, зависящих от той или иной точки зрения, от научной парадигмы и еще – от позиции и целей.

Если исходить из деятельностной онтологии, как последней и наиболее сложной в истории науки, начать следует с категории *процесса*.

Категория времени и категория процесса не совпадают. Время содержит три модуса: прошлое, настоящее, будущее. И их соединение может порождать *разные процессы*.

Вам никогда подобное не приходило в голову?

Пока просто пометим, что это – разное. Это во-первых.

О разнообразии процессов и действительностях

Не существует «*процесса*» *самого по себе*. В циклической парадигме мы вводили это понятие, привязав его к модели цикла в качестве иллюстрации – но это один из многих вариантов его представления. При всем том, что мы постоянно живем в процессуирующем мире и вроде бы наблюдаем некие процессы, «*процесс*» *есть только понятие* – инструмент понимания и мышления (понятие и категория).

Мы видим мир только через очки определенных «действительностей» (на экранах). И не видим реальности «самой по себе».

Поэтому процессы у нас разные – не сами по себе, а как определенное разное на разных экранах, в разных действительностях. И очень часто достаточно уточнить, о какой действительности идет речь, чтобы снять противоречия в спорах о процессах и неясности в их трактовках.

1.1. Натуральная онтология

В естественной картине мира существует целый ряд понятий, относимых к процессуальной области: изменение, генезис, развитие,

эволюция и т.п. Но вот что интересно: до сих пор нет единства в понимании их специфики и взаимосвязи в естествознании в целом, хотя именно на это претендовало естествознание и натуральная онтология. Основной процесс – развитие – рассматривается как универсальное изображение неких реальных процессов в природе и обществе.

Если обратиться к истории науки Нового времени, то поначалу «движение» в широком смысле накрывало собой все прочие процессы: изменения, эволюции, трансформации, развития. Потом понятия начинают дифференцироваться и выделяться. Так, *принцип развития* начинает фигурировать в философии и конкретных науках со второй половины XVIII столетия. В работах Ж. Ламарка, П. Лапласа, К. Вольфа, Ж. Кондорсэ, А. Тюрго и, наконец, И. Канта вводятся представления о том, что *«природные» и «социальные» явления необходимо рассматривать в изменении и развитии.* В течение XIX века делаются многочисленные попытки применить это понятие в естественных (особенно естественно-исторических науках – географии, геологии, биологии и т.д.) и социальных дисциплинах (науках о духе, науках о культуре, морали и т.п.).

Попыткой «снять» на уровне инвариантов естественные представления стал системный подход. Он, кстати, и развивался в первую очередь биологами, благодаря чему появилось «гомеостатическое».

В системном подходе (который содержит родовые признаки натуральной онтологии) отдельные *характеристики* развития соединяются в пакет. Как понимается здесь «развитие», в отличие от других процессов *изменения и эволюции? Оно выделяется в два шага* из более широкой группы процессов:

1. Из процессов *эволюции* выделяются *более специфические процессы изменения.*
2. Из процессов изменения выделяется еще более узкий класс процессов, которые отвечают некоторым структурным характеристикам. И именно эти процессы называют *«процессами развития».*

Рис. 1. Выведение понятия «развития»

Под «развитием» здесь понимается определенный тип процессов изменения, который характеризуется своими параметрами и признаками. Это связанная совокупность требований, описываемых в аспекте «процесс и его механизм».

Развитие в системной онтологии – это процесс, удовлетворяющий **трем требованиям**. Он должен:

- структурно (качественно) усложняться,
- иметь преемственность структуры,
- иметь имманентные механизмы усложнения.

Слабым местом этого определения является «имманентность». Именно этот параметр постоянно порождал дискуссии в науке и не может быть объяснен «натурально», в рамках естественной картины мира (ментальной Е-парадигмы).

Натуральное определение процессов через совокупность логических характеристик также имеет ряд недостатков. Но это более узкая тема.

Прогресс в эволюции

Ввиду важности этой темы, – эволюция и прогресс – обратимся к синтетической философии Г. Спенсера. На переходе от XIX к XX веку он подвел философские итоги эволюционизма, отчего остался в истории как ключевой философ и ученый-эволюционист. Его и натуральным философом называть язык не поворачивается.

Что очень важно, мир построен в его философии как проявление Силы, находящейся в движении.

Спенсер формулирует набор парных признаков эволюции, которые проявляются в направлении:

- а) от дезинтеграции – к интеграции;
- б) от разреженного и рассеянного – к плотному и связанному;
- в) от бессвязного – к связанному;
- г) от однородного (моно) – к разнородному (гетеро);
- д) от простого – к сложному;
- е) от неопределенного – к определенному;
- ж) от неточного – ко все более точному.

В итоге он перечисляет все, что есть в первом столбце как одну связанную совокупность, а все во втором – как вторую связанную совокупность. И формулирует тенденцию перехода от первого ко второму для всей эволюции.

Я привязал его столбцы к циклу и получил парный набор индикаторов: первый столбец А, второй В. Семь индикаторов цикла эволюции. Некоторые отчетливо читаются и формализуются, другие не слишком формализованы. Вот принципиальная схема их связанности:

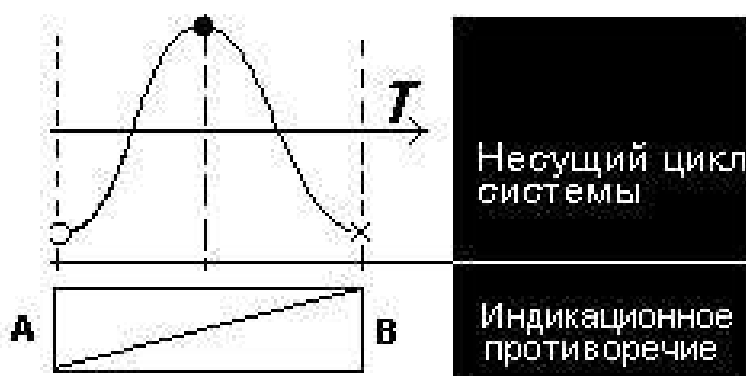

Рис. 2. Основные парные индикаторы цикла эволюции.

Исходная пара Спенсера: «интеграция и дезинтеграция». Интеграция возрастает с прогрессом эволюции. Отсюда понятие «прогрессивная интеграция». Она сопровождается ростом упорядоченности, и выражается как «рассеивание движения и интеграция материи». «Прогрессивной» у него является не только увеличение интегрированности самой системы, но и ее

подсистемная дифференциация: система все более интегрируется при том, что подсистемы дифференцируются.

Кроме философской теории Г. Спенсера есть и другие научные модели эволюционизма – как более ранние, так и более поздние. Но их трактовки интересующей нас «прогрессивности» не несут ничего особого нового.

Что же касается эволюционизма в целом, то в нем всегда маячит идея программы, содержащейся как «семя» или греческое «герме». *Вещи изменяются в соответствии с внутренним принципом развития*, происходит их саморазворачивание в регулярную последовательность. Не закон, а программа – вот что здесь наиболее важно.

В системном отображении в эволюционизме можно выделить две точки зрения.

Взгляд сверху неизбежно акцентирует программу целого, выраженную, по крайней мере, через упорядоченность. Это – «канализированная эволюция», развивающаяся не стихийно, а по сценарию. Такого рода теория есть и в биологическом эволюционизме.

Важно, что такая упорядоченность – это та же идея организованности некоего целого. Именно идея, типа мыслительных универсалий.

Взгляд снизу раскрывает «процесс удержания адаптационно целесообразных свойств из совокупности случайных вариаций». Это все тот же «естественный отбор», перенесенный на эволюцию в целом, например, на общества и его культуру. Такова установка и классического дарвинизма, и «неоэволюционизма». Как концепция универсальной эволюции Л. Уайта и Г. Чайлда, так и концепция мультилинейной эволюции Дж.Х. Стюарда исходят из этой парадигмы, дарвиновской по типу.

Эти два подхода могут быть выражены как две «силы» истории: *кооперацию и конкуренцию*. Например, они присутствуют у Пьера Тейара де Шардена («Феномен человека»). Кооперация (любовь) актуальна при взгляде сверху, конкуренция – при взгляде снизу. Любовь интегрирует («Любовь, что

движет Солнце и светила») и кооперативно объединяет. А отбор есть отбор – это эволюционный фильтр отбора. Кстати, всегда хотелось спросить: а на каком основании происходит эта фильтрация в истории? Что за цель, ведь отбор идет сообразно цели, «целесообразно»? Где эта цель дислоцирована, кто ее держатель? Кто фильтрует?

Очевидная надсистемная закономерная интегративность («объединительность») и подсистемный отбор лучших эволюционных конструкций из хаоса вариаций – это только пара в иерархии.

Для объяснения процесса истории надо ответить: а что есть система, располагающаяся в середине этой пары? Введем полную системную иерархию.

НАДСИСТЕМА – программа «канализированной эволюции»; развитие, идущее по «сценарию». Идея организованности. Идея присутствия программы. Идея кооперации.

ПОДСИСТЕМЫ – «естественный отбор» лучших конструкций из хаоса вариаций. Идея конкуренции.

СИСТЕМА – целое и его жизнь как результат взаимодействия двух этих начал: кооперации и конкуренции, канализированности и отбора.

Рис. 3. Три взгляда на эволюцию в системной парадигме.

1.2. Процессуальные понятия в системно-деятельностной онтологии

Отметим, что в *системно-деятельностной онтологии* (в данном варианте рассмотрен только СМД-подход, хотя есть и другие) специфические понятия о разных процессах выступают как **«рамки», при помощи которых производится организация мышления.**

При инструментальном исследовании культуры внутри процесса *эволюции* был выделен ряд различающихся процессов: *становление, развертывание, развитие, превращение, просто изменение.* И хотя сам набор терминов уже можно считать устойчивым, у разных исследователей и на разных этапах их личной истории (типа Витгенштей 1 и Витгенштей 2) они трактуются по-разному. Но все же пару общих для всех трактовок вычленить удастся и здесь.

Можно охарактеризовать их поочередно, понимая при этом, что они и разные, и связанные. Вот только способ их связанности в этой онтологии весьма специфический. Рассмотрим это на примере интерпретации понятий «развитие» и «сфера деятельности».

Сфера деятельности

Первое очень важное понятие деятельностной методологии, это **«сфера деятельности».** В рамках этого представления фигурирует связка следующих процессов: *производство, воспроизводство, функционирование, развитие, управление* и ряда других.

Поскольку деятельностная онтология существует наряду с прочими, она может конфигурироваться с ними. Так появляется *системно-деятельностный подход* – сконфигурированный из системного и деятельностного.

В этой *действительности* разводится прежде всего два процесса: *функционирование* и *развитие.* Разведение «функционирования» и «развития» невозможно без употребления *действительности деятельности.*

Они взаимосвязаны: *развитие* существует поверх функционирования.

Понятие «развитие»

Здесь его можно раскрыть как **три разных процесса**: *становление*, собственно *развитие*, *эволюция*.

Генезис в простейшей трактовке – это процесс разворачивания системы (из простого – в сложное).

Нередко к понятию генезиса присоединяются и другие признаки или характеристики процесса, которые на самом деле мы можем рассматривать и как самостоятельные.

Это, например, *происхождение*. Точка, с которой начинается генезис, имеет и некую историю «до того». Отсюда проблематика порождения и вообще, рождение из одного – второго, как особый тип процесса. Кстати, в латинском варианте термина «генезис» есть и происхождение, и разворачивание – как равнозначные признаки.

Это «становление», в какой-то мере подразумевающее развертывание, разворачивание системы. Но акцент здесь на другом: на накоплении и алгоритме изменения (законе) некоторых свойств процессуирующего целого.

* * *

Как соотносится генезис, развитие, развертывание, изменение? На этот вопрос в СМД-подходе однозначного ответа нет, но набор признаков, тем не менее, устойчив.

В науке установка несколько иная: становящееся становится всегда законосообразно, в определенном смысле по программе. Благодаря знанию неких инвариантов становящихся систем, мы можем экстраполировать поведение становящейся системы того или иного класса.

Генезис, история, эволюция

Идея генезиса не совпадает с *идеей истории*.

Историческим существованием обладает только общество.

Генетический подход мы можем применить ко многим типам систем, поскольку это не более чем рамка нашего мышления, его инструмент.

Генетический способ анализа (или видения) мы можем наложить на историю. Получим «историко-генетическое» или «генетико-историческое» исследование.

Понятие *исторического* процесса не совпадает ни с генетическим, ни с эволюционным. Понимая все три как разное, мы можем получать и разные сборки (подходы). Причем, стороны могут доминировать в паре поочередно.

Отсюда возникают шесть разных представлений, подходов, и это разные инструменты мышления.

Рассмотренные понятия образуют единый кластер

Идея «шага развития»

Вторая общепринятая идея деятельностной онтологии (СМД) – это **идея «шага развития»**.

Для ее понимания нужно принять, что вы Человек и обладаете свободой воли и выбора.

Идея шага развития предполагает:

1. Отказать тому, что есть здесь и сейчас, в статусе реальности.

При этом мы **онтологически обнуляем определенные существующие реальности**, мысленно отказывая им в существовании.

Для человека это отказ «здесь и сейчас» в ценности и бытии.

2. Единственная реальность теперь есть та, которая идет из будущего в сегодняшний день. Самоопределение есть перенос себя (ценности, акцента) в будущее. По Эрнсту Трельчу (Историцизм и его проблемы. – М., 1994), «развитие, безусловно, всегда есть примысливание ценности».

В этом случае то, чего еще нет, но то, что должно быть, становится более реальным, чем «то, что есть». И это не просто «то, чего нет» и не просто «то, что может быть», а «то, что *должно быть*». Особый статус!

Несуществующее *должное* будущее здесь выступает как более реальное, чем существующее окружающее настоящее – уже нереальное.

Должное будущее существует во многом только через систему ценностей, через **образ будущего**, через некое **представление о должном**.

Поскольку образ будущего здесь выступает как представление о должном, то это своего рода проектное долженствование, где единственной реальностью становится будущее.

Данный **тип самоопределения** в этой онтологии есть **«развитие»**.

Это способ самоопределения и способ полагания картины мира, поэтому он не может трактоваться как *объективно* существующий процесс. Исходя из этого, в деятельностном подходе объективация (натурализация) схемы развития запрещена и утверждается, что *развития как натурального процесса не существует*.

В схематизации присутствуют три пространства – прошлого, настоящего и будущего. Они имеют разный тип существования. И есть некоторая интуиция того, что **развитие – это способ самоопределения**. Образ «должного будущего» для самоопределившегося субъекта обладает гораздо большей реальностью, чем то, что есть «на самом деле».

Такое *целевое* полагание картины мира обеспечивает «перенос» на то, чего нет и что только должно быть или стать. Оно требует принятия на себя определенной социальной *позиции*, а далее – *целенаправленных* усилий человека: его действий или бездействия в определенных ситуациях. Здесь представления о развитии выступают в качестве организационно-мыслительных инструментов личности, а не как объяснение мира вне нас.

Нетрудно понять, что из мира вне человека (натуральная парадигма, где субъект и объект разведены) здесь произошел переход в мир внутри человека (деятельностная парадигма, где отрицается само деление на субъект и объект). Принять или «одеть на себя» деятельностную онтологию очень не просто, особенно людям, воспитанным в естественной картине мира.

Что очень важно в этом подходе, принцип развития есть не просто инструмент мышления, он организует *взаимодействие человека с будущим* еще и (или прежде всего) в ценностном отношении. Будущее признается

более ценным (и более реальным) чем то, что есть сейчас, в настоящем. Для нашей темы «ментосферы» само это понимание мира как управляемого целями является ключевым.

1.3. Синтез

Подытожим ранее сказанное в форме тезисов.

В системно-деятельностной действительности (СМД-подходе) разводится *функционирование* и *развитие*. *Развитие* существует поверх функционирования. В знаковом мире функционирование связано с коммуникацией, а развитие – с трансляцией. Это, кстати, хороший определитель специфики в общественных процессах.

В «развитие» входит три разных процесса: *становление*, собственно *развитие* и *эволюция*.

Генезис есть процесс разворачивания системы. В нем соединяются:

- происхождение (порождение),
- становление,
- развертывание (разворачивание системы из простого в сложное)

Идея «генезиса» не совпадает с идеей «истории». Понятие *исторического* процесса не совпадает ни с генетическим, ни с эволюционным. Отсюда – шесть разных попарных представлений:

- историко-генетический (генетико-исторический),
- историко-эволюционный (эволюционно-исторический),
- генетически-эволюционный (эволюционно-генетический).

Поскольку это разные подходы, их надо точно фиксировать при выборе метода.

Внутри процесса *эволюции* присутствует ряд различающихся процессов:

- становление,
- развертывание,

- развитие,
- превращение,
- просто изменение.

Возникает естественный вопрос: и что с этим делать? Эти позиции не совместимы, поскольку перед нами разные онтологии? И так, и не так.

Для начала, надо фиксироваться, на чем стоим, откуда говорим, из какого окошечка. Это признак научной культуры, но очень немногие авторы это делают.

Я не думаю, что возможности натуральной онтологии исчерпаны, хотя прошел проектный XX век, где было заявлено о смерти науки. Да, наука перестала быть доминирующим мировоззрением, но она не перестала от этого существовать. Как и искусство никуда не исчезло с возникновением СМК, хотя навсегда утратило свои позиции в массовом масштабе. Тем не менее, у них есть свое место в обществе, хотя бы и не доминирующее.

Натуральная онтология получила свое завершение в системогенетике. Будучи студентом, я застал момент синтеза трех платформ: системной, генетической (динамической, кинетической, эволюционной) и деятельностной, и это было на редкость увлекательно. Какими бы ни были попарные тройные связки этих платформ, они по «мощности» всегда сильнее одной из них. Вот такой тройной связкой мы и воспользуемся, переходя от одной платформы к другой и соединяя их попарно и все вместе.

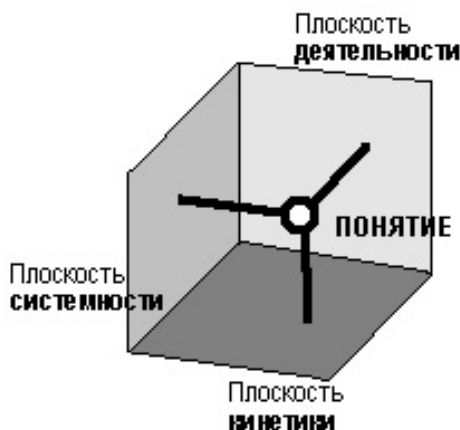

Рис. 4. Наша методологическая связка.

ЧАСТЬ 2. ЧЕЛОВЕК И МЕНТАЛ

В интересующей нас истории человечества развиваются устойчивые сообщества, состоящие из людей. Что создает их устойчивость, об этом мы поговорим ниже. Развиваются они от простых – ко все более сложным. От простого шумерского царства к сверхсложной объединенной Европе – так в упрощении выглядит картина прогрессирующей истории обществ. Признак «прогресса», если обобщить эволюционизм до тезиса – рост структурной сложности и интегрированности (степени организованности) на уровне надсистемы. Вообще же это понятие «организованности» в системный мир довольно сложно вводится из богдановской «Тектологии» (через пару «организованность – материал»).

Чтобы понять историю, нужно посмотреть на самое ее начало.

2.1. Вопрос появления «*Homo sapiens*»

Это – наиболее туманный вопрос истории и его научная трактовка, если судить по интернету, непрерывно меняется. Известно только, что где-то в начале был запущен гигантский маятник всей нашей истории. Отличительный признак «*Homo sapiens*» проявился в том, что у человека произошло «удвоение миров». Или «случилось раздвоение», не суть важно, поскольку психиатров, слава Богу, в тот момент еще не существовало. Важно, что вдруг проявился «идеальный мир», который наложился на «реальный мир», и возник удвоенный «мир человеческий». И все, что потом будет в истории людей, связано с этим «вдруг».

С надсистемной точки зрения, с появлением второго мира *запустилась программа становления Человечества*. И возникновение второго мира является признаком, индикатором запуска этой программы. Признаком, а не причиной.

Есть такие гипотезы в культурологии, и есть такие авторы, которые говорят нам следующее: никаким «трудом» наш первопредок не занимался, поскольку на Земле поначалу был практически пищевой рай (и тут Библия

права). Реконструкции археологов показывают, что сделать кремниевый нож или рубило можно часа за три. Так чем же занимался первочеловек со своим кремниевым ножом и топориком на поясе в первобытном пищевом раю? От избытка свободного времени занимался он освоением этого «второго мира». Идеального, духовного, магического и т.д. – это кому как угодно. Реальный мир с ножом и топором на поясе он осваивал при помощи деятельности, успешно продолжая свой род. И надо сказать, в этом состоянии у человека не было потребности в организованной экспансии. Почему, поймете чуть позже.

Первобытный цикл истории в нашем понимании просто гигантский. Его первая треть, о которой меньше всего фактов, начинается с освоения этого самого «второго мира». Распространенная гипотеза о происхождении духовного мира гласит, что сначала это был «мир, куда уходили умершие», потом он постепенно пополнялся, пока не вырос до полноценного Мифа. Но чтобы освоить это представление, нужно было иметь понятие Души. А его можно либо выработать, либо получить. В заготовке есть нечто первично-аналогичное (что у Юнга и обозначено как архетипы), но все равно здесь перед нами явный «фазовый переход». Он хорошо описано Дж. Фрезером, а философским завершением этого стала универсализация понятия «мифа» у А.Ф. Лосева. Тут пока все понятно, поскольку описано в разноракурсных моделях и многократно трактовано.

Сложности возникнут впоследствии, когда Платон поместит туда Идеи и второй мир станет называться «Миром Идеи». В качестве «высшего слоя над» человеком и обществом философы античности и натурфилософы Нового времени ввели в Мир Идеи еще и гипотезу Разума. Она много чего интересного дала и кое-чего позволила добиться. Но при этом она так и остается гипотезой. С точки зрения управляемости рационалистам хотелось, чтобы она была такой же действенной, как миф в древнейшем мире или идеология теоса в средневековье. Однако сложностей на этом пути оказалось гораздо больше, чем виделось поначалу.

Во всей последующей истории после первобытности новые циклы всегда начинаются с *доминирования Идеи*. Хотя П. Сорокин относил это только к цивилизационной истории, но почему бы и первому циклу человеческой истории – родовому строю – с этого не начаться? Вполне приемлемая гипотеза, которая не замедлила появиться в культурологии XX века: история людей начинается с доминирования идеи.

Этой гипотезе противостоит другая, доказывающая, что идеальный мир осваивается только за счет материального производства. Или, как вариант, – идеальный мир осваивается только в коллективном состоянии, что и порождает язык и всю последующую реальность этого мира. А уж коллективизм может быть завязан на совместный труд, а может и не быть.

Мы видим, что связка «идеи – коммуникация – труд» может быть рассмотрена с выделением любого компонента как доминирующего. И теперь обобщим: это не три теории, какими они были в истории науки, а одна: она говорит о связи мышления, коммуникации и деятельности.

В составе человека Идея связана с Разумом, а коммуникация с Душой. Душа и Идея одинаковы по одному признаку – они вне нас, и они – в нас.

Новое качество

Наша фиксация сводится к тому, что в начале истории:

- а) есть подходящий биологический носитель – проточеловек, и
- б) откуда-то («вдруг») у него появляется новое качество.

У Аристотеля человек определен как «животное политическое», что фиксирует принадлежность человека к цивилизации как его особое качество.

С начала Нового времени доминирует новое понятие: вид «*Homo sapiens*»: новое качество определяется как наличие у человека разума. И тут надо отличать Разум от Ума: философу Аристотелю важнее София – мудрость, а всем последователям Декарта и Ньютона – ум как рациональность и его разновидности вплоть до рассудка.

Это новое качество человека – не более чем индикатор чего-то, появившегося «вдруг» (см. категорию «вдруг» у Платона). С момента его появления люди соединяются в сообщества все более и более сложные. И даже наиболее простая родовая община уже существенно отличается от биологических общностей типа стаи и стада.

* * *

Попробуем предварительно развести *Разум, Интеллект, Мышление*.

Гипотеза такая: *Интеллект* (совокупный общественный интеллект) принадлежит человечеству, ноосфере, и он функционирует до тех пор, пока мы как человечество есть. Интеллект решает проблемы, с его помощью человек проектирует и программирует (и тем создает будущее), и в этом смысле он связан со знанием. Нарастивая свой потенциал, придет время, мы сможем прогнозировать будущее на очень большие лаги времени, а ближайшее будущее предсказывать с высокой точностью.

Разум не принадлежит Человечеству, тем более – человеку. Нас может не быть, но тогда ему всего лишь «некем» будет разумно мыслить в этой части универсума. Вряд ли мы одиноки во Вселенной – это маловероятно. Разум находится в определенном смысле вне времени, в Вечности, тем самым – для нас – в будущем. Сообщение с будущим есть сообщение с Высшим Разумом. Это уже немало, если мы это поняли.

Мышление – проявленность надсистемного уровня для человека: в коммуникации и в деятельности. Мышление мыслит нами, потому что мы для этого предназначены. Интересно, почему?

2.2. Ментал

Мы настойчиво фиксируем один ракурс: с какого-то момента в жизни «*Homo sapiens*» вдруг появляется нечто, что оперирует людьми. Появляется какой-то инструмент, *сила, которая людьми явно управляет, принципиально меняя их индивидуальное поведение*. И с тех пор из стадного высокоорганизованного животного проточеловек становится «животным

общественным», «политическим», а также видом «Homo sapiens», осуществляющим деятельность. По сути, здесь уже серия новых взаимосвязанных признаков: включенность в социум, включенность в деятельность, разумность. Но суть дела не в абстрактно понимаемой «разумности», а в том, что разум и создание внешних орудий соединяются – в «орудийной деятельности». Что, кстати, нелепость: неорудийной-то нету.

Обозначим их общую причину как «нечто» или «оно».

Это «нечто» запускает маховик истории человеческих сообществ. Исходя их верхней, надсистемной точки зрения (канализированная эволюция), предположим, что тем самым оно преследует некие цели, реализует некую программу (или какую-то часть еще более высокой по уровню эволюционной программы).

Обойти этот «телеологический и финалистический» подход при взгляде из надсистемы трудно.

Но нам куда интереснее, что представляет собой это самое оно – нечто, управляющее нами? Всегда хочется это «нечто» как-то олицетворить или придать ему субстанцию. Попыток подобного рода в истории было немало.

По отношению к другим системам это, например, «биосфера» Вернадского и живая «Земля-Гей» Лавлока. Как ни крути, это понятия, выступающие как организованности, причем связанные с определенным субстратом (живое вещество, живая планета).

Ментал как понятие

То, о чем мы говорим, имеет свою специфику.

Назовем нашу невидимку «менталом».

Первое значение термина **mental** в переводе – *интеллектуальный, мысленный*. Оно особенно распространено на рациональном Западе.

Но есть и второе значение этого древнего термина **mental** – *внутренний, иногда невидимый*, и нередко – *психический* (от греч. *psyche* – душа).

Между тем по смыслу интеллект есть принадлежность ноосферы (от греч. νόος или nous ум, разум), а поскольку понятия ноосферы в древности не существовало, в термине и содержится «склейка» значений. И она в определенном отношении правомерна, мы говорили об этом (все внечеловеческое в человеке).

Кстати, и кроме ноосферы выдвигались аналогичные понятия и термины: «поле разума» Э. Грина, «всеобщий ум» Г.-Г. Гадамера и т.д.

Теперь разведем: ноос, ноосфера, ум, разум и все значения подобного рода теперь мы будем относить сюда – к рациональной трактовке. И не будем относить их к термину «ментал» в нашем тексте.

Все бы хорошо, кроме одного. Парой к Разуму является Сома. И не только в человеке (разумное животное), но и в обществе: наука + техника, ноосфера + техносфера. Все равно НТП.

А парой к Душе? Воля, Дух. Вот почему второе значение термина mental – не только *психический*, но еще и *внутренний, невидимый*. Воля, Дух так же невидимы, как и Душа. И Дух так же относится к Душе, как Разум к Соме: управляет.

Эти две пары понятий порождают в обществе два контура управления: социотехнический (Разум – Сома) и социокультурный (Дух – Душа). Поскольку первый контур управления ноосферный, то как назвать второй?

Мешает многозначность термина «ментос» и она ослабляет порождаемый по аналогии с ноосферой термин «ментосфера».

Его первый аналог, это «психосфера», упомянутая Дж. Мёрреем. Это сфера «и разума, и понимания» – тот же ментал в его двойной трактовке. Между тем мы ищем как раз *различия*, поэтому «и то, и другое» нас не устраивает. И потом английский океанолог высказал это по аналогии с чем-то, что для него не есть живое в материальном проявлении. А в начале XX века все, что надстраивалось «над живым», мыслилось как «психическое», отсюда и появилась его трактовка «психосферы».

Иначе звучит понятие «психосфера» у А.Л. Чижевского, близкого друга и ученика К.Э. Циолковского. Но и он трактует его в естественнонаучных пределах, как и русский психолог Н.Н. Ланге и американский физик О. Рейзер. «Психосфера» А.П. Чижевского имеет место быть, как и биосфера – естественное природное тело, оболочка Земли. Можно трактовать психосферу как «сознание биосферы» или «общее поле коллективного сознания на планете». Это Душа всего живого на Земле, конечно же, иерархически связанная с Космосом и т.д.

Но и она отражает только одну сторону пары «Дух-Душа» – Душу.

П.А. Флоренский ввел термин "пневматосфера" (духовная оболочка Земли, «сфера Духа», духовной связи). Термин произведен им от «пневматологии» – это раздел учения о Святом Духе в богословии. Что характерно, сам этот термин возник в его переписке с В. И. Вернадским в 1929 году, и только один раз, и только потому, что «невозможность личной беседы побудила меня высказать эту мысль в письме». Отец Павел пишет «о существовании в биосфере, или, быть может, на биосфере того, что можно было бы назвать пневматосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченного в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа».

Флоренский пояснял: "Несводимость этого круговорота к общему круговороту жизни едва ли может подлежать сомнению. Но есть много данных, правда, еще недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в космосе".

Помните: «рукописи не горят». Если следовать И.Л. Галинской, эту цитату Михаил Булгаков позаимствовал из весьма старинного текста.

П.А. Флоренский был великим ученым-естественником и потому добавил: "В настоящее время еще преждевременно говорить о

пневмосфере как о предмете научного изучения; может быть подобный вопрос не следовало бы и закреплять письменно".

А ведь точно, как в воду глядел. Вот, например, Ю.В. Крупнов теперь говорит, что миссия России «в создании особой сферы духа или пневмосферы, объединяющей биосферу, техносферу и ноосферу в гармоничное единство и согласие». Если следовать о. Павлу, то создавать сферу Духа нет необходимости: она есть, и всегда была в истории.

А вот осознать связку пневмато-психо как особый управляющий контур в обществе как раз пора. «Пневмато» – это вторая, управляющая сторона пары «Дух-Душа», и в человеке, и в обществе.

Кстати, приближенными по смыслу к «пневмато» объединительными терминами, но не ранга Духа, было «Всеединство» В.С. Соловьева, «Всемира» А. В. Сухова-Кобылина и «микровиты», фигурирующие в неогуманизме П.Р. Саркара. И хотя они не сферные, этот кластер понятий следует впоследствии рассмотреть подробнее – та же тема.

Что мы в итоге получаем? Получаем мы такую вот схему попарной сборки человека из его компонентов:

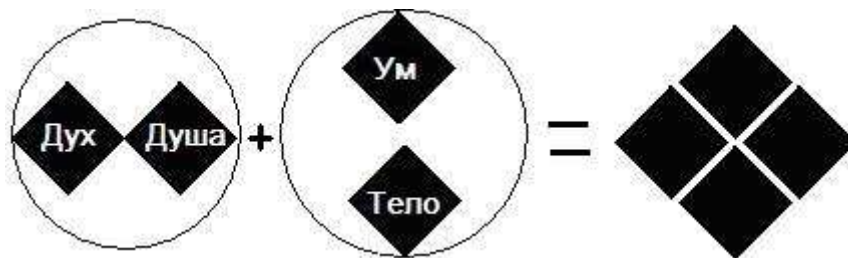

Рис. 5. Попарное связывание и образование четверки.

Имея в виду единство и связанность пары «Дух-Душа», мы будем постоянно сталкиваться с понятием «менталитет».

В пределах данного текста сферу проявления «Духа + Души» мы обозначим как **ментосферу**, или сокращенно – **ментос**.

Если идти по шагам системного анализа, то человека как целое можно трактовать через пару «дух - материя» и иерархическую тройку «ум - ментос - сома». Ей соответствует «мышление - коммуникация - деятельность».

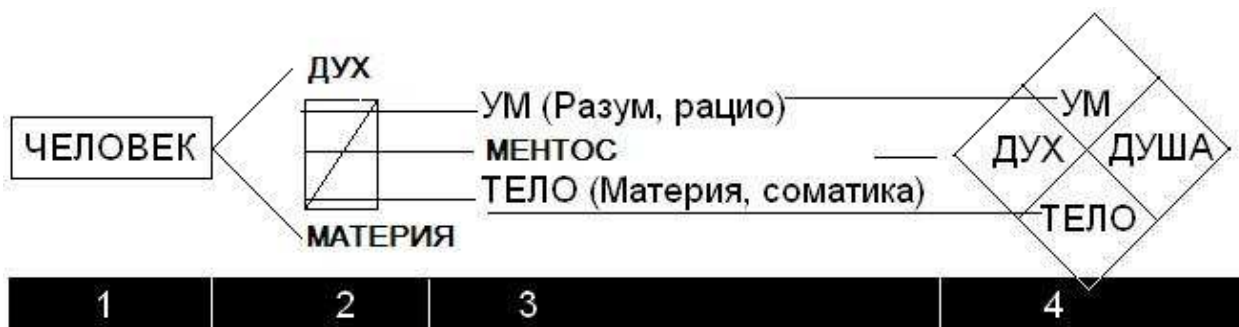

Рис. 6. Четыре системных шага описания человека.

Соответственно, состав человека четверичный. И общества – по аналогии – тоже, но об этом мы будем говорить отдельно.

У ментоса уже есть три уровневых признака.

Надсистемный признак в обществе: ментал гипотетически содержит некий «сценарий истории». Как видите, не имеющий отношения к разуму.

Системный признак: ментал участвует в реализации «программы истории», формируя ряд сменяющихся человеческих обществ.

Подсистемный признак: ментал оперирует людьми, принципиально меняя индивидуальное поведение протогоменид, в результате чего «люди» живут только в «обществе» и эти два понятия неразделимы (нет понятия «человек» вне общества). Выход за пределы общества (реальные «Маугли», дети, выросшие в животной среде) лишает их признаков принадлежности к обществу и «разумности», но не лишает их выживаемости – они иногда выживают в зверином сообществе за счет включения программ этого сообщества.

Впрочем, даже вопрос – а содержит ли ментал эту программу?, – для нас не так важен. Важно, что она где-то есть и ментал ее реализует в истории, оперируя людьми. Программа управляет а) обществами и б) людьми. А поскольку кроме людей и созданной ими техники в общественном субстрате ничего больше нет, то программа управляет прежде всего людьми, создавая из них фантом «общества».

Напомним, что мы выделяем не только *социокультурный контур* управления в обществе (Дух + Душа) и *социотехнический* (Разум + Соматика). О последнем разговор тоже пойдет особый и подробный.

2.3. Другая онтология

Гипотеза: в истории действует некая программа и еще – существует приводной ремень, функциональный механизм общества, запускающий «инструменты» ее воздействия на людей. Программа эта надсистемная, если системой считать общество. Она саморазворачивается целенаправленно и при этом уровень сложности общественных структур растет, а с другой стороны – возрастает дифференцированность и сложность мест в структуре общества, куда «вставляются» люди.

По отношению к человеку программа эта над-надсистемная.

Материал общественной организованности – люди – в этой истории обществ почти не меняются по биологической конструкции. Примерно постоянным остается и матрицированный спектр психических качеств у групп людей: одинаковый набор темпераментов, или то, что описывается в астрологических типологиях и т.д. Люди-материал не меняются, как не меняются (по инварианту) живые клетки нашего организма. Люди как вид «*Homo sapiens*», как количественно растущая популяция – стабильная основа всего общественно-исторического.

Мы привели аналогию биологического и социального этапов эволюции неспроста. Судя по всему, биологическая эволюция и социальная эволюция – это две части единой биосоциальной истории. Вот ее ключевые этапы.

Биологическая субстанция развивалась на Земле, пока не было достигнуто условное «экологическое равновесие» видов живого – очень сложная гомеостатическая планетарная система. Образовалась «биосфера». На этом относительно благополучном гомеостатическом фоне появился проточеловек. Биологически это были протогомениды.

Здесь следует напомнить про очень важную вещь: скорость течения времени. В абиотической эволюции ее масштаб настолько гигантский для нас, что мы не замечаем продолжающейся эволюции космоса, для нас он стабилен. Но и в биотической эволюции масштаб тоже очень велик для нас, и мы тоже не замечаем продолжающейся эволюции биомира, для нас он

относительно стабилен. Проблема возникла, когда мы с нашей огромной скоростью развития начали внедряться и разрушать эти гигантские по длительности эволюционные процессы живого как целого. И тем самым разрушать стабильность своего собственного основания существования. Что характерно, наша скорость течения времени так велика для биомира, что он нас скорее всего иногда «не видит» и воспринимает как незримое бедствие, пожирающее его части прямо у него на глазах. Это позволяет предположить, что следующий за нами мир имеет еще большую скорость жизни, и он тоже будет «невидим» для нас. Чем, кстати, может объяснять феномены неуловимых «тарелок» и т.п. явлений.

Вид наш был «отобран» в качестве материала для последующей социальной истории. Тейар де Шарден показал, что это произошло не случайно – из углеродных биологических существ наши прародители из протогоминид были наиболее пластичны и наименее специализированы. Это похоже на признак универсализации, который не был ценностью в специализированном биологическом мире, но стал таковым как основание для социума.

Когда сталкиваешься с подобными утверждениями, возникает подсознательный протест. Скажем, хочется, чтобы это была случайность. У эволюции, наверное, были и какие-нибудь дублеры; эволюция ведь никогда не рискует и идет многими путями одновременно. Кому интересно, пусть поищут этих дублеров – и, уверен, найдут. Со временем можно будет сделать компьютерную игру «Альтернативные пути постбиологической эволюции на Земле». Впрочем, и сейчас это любимое развлечение телепрограмм типа «непознанное» или «территория призраков» – пара десятков вариантов там была представлена. Очень, кстати, напоминает «Понедельник» братьев Стругацких. И чем были все эти «мифологические» существа, кто знает...

С альтернативными возможностями мы повстречаемся еще не раз, поэтому будем фиксировать их, чтобы потом сделать сборку. Итак, первое: в принципе возможны были альтернативные пути постбиологической

эволюции на Земле на другой «живой» основе. Хотя последнее время про живое почти нельзя ничего сказать однозначно.

В детерминистической науке Нового времени Природе было отказано в целях и всем сопутствующем: воле, энергии, чувстве. В отличие от философии, где эти моменты старательно анализировались, что и дает повод не считать философию наукой. Дарвиновская картина эволюции, за исключением пары-тройки гениальных прозрений, скорее напоминает описание имущества из грессбуха. Но такова наука, ее первоначальный удел – картотека фактов и установление достоверных связей. Для свободных полетов предназначена философия, да и то совсем немного.

Обратившись к философии, А. Бергсон показал рвущуюся вперед внутреннюю мощь естественной эволюции. В его интерпретации нет традиционной телеологии, но есть поразительное ощущение чего-то слепого и сильного, некой **гигантской живой Души**, ищущей на Земле материального и животного воплощения и потому формующей косную и живую материю по ее законам. Вот почему легкая мистическая жуть охватывает, когда прочтешь его «Творческую эволюцию». Но ракурс Бергсона принципиально не дает ответа на главные вопросы: что это за сила, и что за цель она преследует, разворачиваясь? Пожалуй, у него олицетворением спенсеровской Силы и является «эволюция», некое творческое «оно». Все равно ведь перед нами понятие.

С этими вопросами следует обратиться к тестам В. И. Вернадского. Он описал процесс образования полноценной биосферы, нового планетарного целого в космическом контексте, затронув при этом всю предшествующую эволюцию. Вещество и энергия, соединившись в живом, способны производить работу. И это живое приобретает у Вернадского космическое измерение.

В рамках этого эволюционного процесса на Земле вдруг появляется человек. «Феномен человека» подробно описан у Тейяра де Шардена. Книга эта – тоже настоящий детектив для натуралистов и предмет ожесточенных

споров для философов. Хотя по большому счету сегодня с ним спорить уже некому. Они с Вернадским классики, как будто это что-то объясняет.

Что характерно и очень важно: все эти три ключевые работы начала XX века – естественные, в них ничего нет об обществе. В них нет такого объекта. Нет, даже с учетом контекста «ноосферы» В.И. Вернадского, поскольку он трактует это понятие скорее как особый фактор по отношению к биосфере. Потому написано им о ноосфере по объему так мало. Вернадский как-то странно «выдвинул» гипотезу ноосферы – под давлением извне, но он никогда не считал ее «учением». Нет понятия общества и в текстах Тейяра де Шардена, хотя известно, что он над этим много думал.

* * *

Мы же говорим следующее: наряду с «человеком разумным» на Земле возникло новое образование. Оно не абиотическое и не биотическое. И оно не покрывается понятием «ноосфера». Это нечто четвертое и на схемах мы его ввели как особое место в надсистеме. Мы это обсуждали выше на примере вариантов «психосферы» и «пневматосферы».

Почему важно, что эти понятия существуют в естественнонаучной рамке? Поскольку тем самым задана их ограниченность – они не выходят за центральное понятие «Природа». Пределы психологии как науки тоже заданы естественной онтологией, из-за чего психология во многом и зашла в тупик.

XX век показал, что возможна и другая онтология – деятельностная. Мы о ней уже говорили, и самая важная ее черта – не естественность или же «искусственность» универсума. Если идти по этому пути до конца, становится понятно, что натуральная картина мира была в истории подготовительным этапом для этой, иной, онтологии.

* * *

Ноосфера, по Вернадскому, связана с наукой, познанием и знанием.

Наше «четвертое» в системном измерении имеет один масштаб с ноосферой – планетарный, но является другим. Этот четвертый мир –

ментальный – осваивается не знанием, а пониманием. Понимание, в отличие от знаний, связано со смыслами, значениями и только специальным образом их можно связывать с «конструкциями значений» и знаниями. А смыслы и значения – это целая тема в современной космогонии.

Например, по В.В. Налимову, само пространство наделено смыслами, это множество смыслов пространства. Как утверждают развивающие эту тему теоретики, наше познание:

- фильтрует множество смыслов пространства,
- производит упорядочение отфильтрованных смыслов,
- переводит их в семантические энграммы, т.е. на наш язык (языки).

При этом очень важно различить, что смысл не есть информация (существующая в коммуникации). Он мой.

Если принять, что «смысл есть информация, содержащаяся в знаке», как это утверждает М. Лесков, происходит неправомерная «склейка». Тогда и физический вакуум наделяется свойствами семантического пространства Налимова, в результате чего появляется понятие «семантического вакуума» и даже устанавливается его гипотетический физический агент – мэон.

Неправомерная «склейка» – это отождествление знания и понимания. Это точка зрения на мир из окошечка под названием «интеллект», а еще точнее – с позиций семиотики (привязка смысла к знаку). Накрывая этими понятием все, Лесков тем самым проскакивает мимо различения двух миров.

Механизм «интеллекта» и механизм действия «ментоса» – это разное, более того – перпендикулярное. Ментос – это четвертая сфера в ряду геосфера – биосфера – ментосфера – ноосфера.

Пока мы только очерчиваем это «четвертое» как нечто, куда много чего можно «положить». По принципу «вали кулем, потом разберем».

Эта задача сепарирования достаточно сложна. Перечитывая свои же предыдущие книги, я вижу, что только подходил к этому пониманию, много чего там осталось в «склейках».

И еще – хочется поискать «носитель».

ЧАСТЬ 3. ЧЕЛОВЕК И ЭГРЕГОР

3.1. Носитель «четвертого»

Вариантов немало. Но начнем с самых распространенных. Это, например, эгрегор (правильное ударение на гор).

Про него упоминает в «Розе мира» Даниил Андреев. Вот понятие «эгрегор» из этого первоисточника. «Эгрегоры – иноматериальные образования, возникающие из некоторых психических выделений человечества над большими коллективами: племенами, государствами, некоторыми партиями и религиозными обществами. Они лишены монад, но обладают временно сконцентрированным волевым зарядом и эквивалентом сознательности».

Эгрегор есть нечто *агрегатированное* (от «агрегат»), обладающее новой целостностью. Есть и другие трактовки, но эта нам подходит больше прочих.

Все здесь замечательно и надо акцентировать, что определение дано из надсистемы. Нечто агрегированное, объединенное в целое и отделенное от иного.

В нашем случае верхняя надсистема – человечество, если следовать П. Тейяру де Шардену. Причиной является человечество, а следствием – все остальное, включая эгрегоры всех промежуточных уровней от человечества до человека, над «большими коллективами: племенами, государствами, некоторыми партиями и религиозными обществами».

Эгрегор живет временно. Но в эволюции ведь все временно. Лучше обратите внимание на два момента – наличие у этой иноматериальной временной штуковины заряда «воли» и «протосознания» (эквивалента сознательности). Воля + сознание, что весьма похоже на древнегреческое калокагатическое единство и нашу пару «Дух + Душа».

В последнее время понятие «эгрегор» активно используется рядом авторов и обволакивается неким количеством уточнений. Если обобщить их, картина вырисовывается примерно такая: существует незримый эгрегориальный мир, «паразитирующий» на людях. Уже по этой

формулировке видно, что люди есть материал, а эгрегор – организованность. Различие в уровнях.

Судя по всему, он перекечевал к нам из дообщественного, стадного существования, но при этом сильно видоизменился. Изменения связывают с наличием в этих модифицированных эгрегорах «архетипов». Причем, понятие «архетип» трактуется отнюдь не как у Юнга (как всеобщие начала, составляющие сущность коллективного бессознательного): архетипами данные авторы называют некую *«идею», лежащую в основании жизни эгрегора*, образующую эгрегор идею (например, идея денег лежит в основании эгрегора денег). И поскольку в человеческом сообществе таких «идей» множество, то и эгрегоров всегда множество. Кроме того, поскольку некоторые идеи рождаются и умирают в истории, то и эгрегоры возникают, могут набрать максимум энергии, а могут и зачахнуть при отсутствии таковой. Но поскольку эгрегоры – это «энергетические существа», они по сути бессмертны и при хорошем стечении обстоятельств могут возвращаться к жизни из анабиоза сколько угодно раз.

Главное здесь: эгрегор есть *энергетическая форма жизни*. Он питается энергией человеческих желаний (тут можно назвать целый куст мотивационных и прочих сходных понятий). Эгрегоры борются за эту энергию и потому всячески управляют поведением людей, заставляя их производить эту энергию и отдавать ее данному эгрегору. Остается только обрести нового Бергсона, дабы он описал эволюцию этого мира.

Что это напоминает, если оставить в покое неясность самого термина «энергия» и «энергетические существа» психического и волевого миров? Но то же самое описывают все варианты коллективной, групповой (включая «психологию народов» и т.д.) психологии. По сути дела, сегодня какая-то часть психологов пересела на этого нового конька с очевидной целью: зарабатывать и влиять на политику. Переодевание в эгрегориальные одежды для некоторых авторов настолько не имеет значения, что они продолжают печататься в тех же психологических журналах и издательствах, что и до

того. И всю тупиковость старой психологии они втаскивают в эту новую область, умело меняя терминологию и смешивая ее с эгрегориальной.

Есть другая ветка исследователей, движущаяся от практической и экспериментальной «экстрасенсорики» (опять же, сюда можно отнести очень многое и очень разное). У них понятие об эгрегорах возникло как объяснительная гипотеза, позволявшая увеличить практический выход их работ. Они честно говорят, что идут наощупь и само это явление «нащупали в практике», хотя выглядит это заявление не слишком убедительно. Исследователей этой ветки интересуют только техники работы с эгрегорами и, судя по всему, занимаются они этим давно. А вот говорят и пишут об этом недавно. Это заставляет подозревать, что «продают» в этой области только то, что уже безобидно и отработано. Надо так понимать, что правда об этом открывает «ящик Пандоры» и рождает хаос и потерю управляемости в обществе.

Так или иначе, понятие «эгрегор» работает в многочисленных практиках. А это означает, что оно есть в культуре и им можно оперировать.

Рассмотрим несколько точек зрения на этот новый феномен, найденные в интернете.

Существование эгрегоров есть результат развития человеческих сообществ. Агрегация, которая лежит в основании эгрегоров есть продукт коллективной деятельности. Активный обмен выстраивает некую информационную систему. Поэтому нередки утверждения, что «эгрегор» – это «коллективное бессознательное».

К эгрегору имеют отношение такие понятия, как поле, энергия, влияние.

Эгрегориальное поле по аналогу похоже на облако химических веществ, управляющих поведением муравьев. Помимо человека, муравьи – единственные существа, способные образовывать сообщества переменного размера. Размеры и вправду переменные: в США нашли сообщество из муравейников, накрывающее сотни гектаров.

Современные эгрегоры от старых отличаются, но не намного.

На ранних этапах истории (вплоть до средневековья) эгрегор играл позитивную роль. Он координирующе действует на сознание людей. Поэтому можно высказать и такую гипотезу: для определенного количества (плотности) эгрегор эволюционно позитивен. Он собирает единицы в более сложное целое, а поведение этого целого способствует выживанию вида.

Но на грани XX века они же становятся опасными для человека. Плотность людей в обществе XX века больше, а значит, и давление эгрегориального мира на отдельного человека выросло в разы. Происходит стандартизация поведения людей, отмеченная всеми крупными исследователями и художниками начала XX века (а это время действия романов Кафки). Особенно сильно это заметно там, где есть высокая плотность населения (перенаселенность). Например, особая «стиснутость» наблюдается в Японии – и там практически любые проявления взаимодействия людей жестко регламентированы. То же самое наблюдалось и в Китае, откуда эта регламентированность и перекочевала. Но у Японии есть еще один важный признак: технологическая продвинутость. Соединим признаки вместе: сверхвысокая плотность населения и технологическая продвинутость. А это характеристика наших мегаполисов.

Мы находимся в персонально невыгодной позиции. Лишены свободы воли и свободы поиска. И налицо угроза, что процесс станет необратимым. Может исчезнуть всякая перспектива. Развитие возможно, пока есть возможности для свободы, поиска (валентность). А если появляются жесткие функции, специализирован организм, то руки всегда заняты.

Количество нужных требований скоро станет больше человеческих возможностей. Человек становится «роевым существом», членом «глобального человеканика» (А. Зиновьев).

Каково направление личного выхода из этой ситуации? Закрывшись от эгрегоров, уже получаешь преимущество. Создавая вокруг себя зону невмешательства, оставляешь возможность для роста.

3.2. Человек как веполь, организм и эгрегор

Человек-веполь и его иерархия

Начнем с физической трактовки человека. Это своего рода естественнонаучная рамка, причем нас здесь интересует чисто физический ракурс. В этом ракурсе Человек есть ВЕПОЛЬ: он и вещество, он и поле. Нам важно, что в человеческой целостности здесь выделяется его вещественная сторона и его полевая сторона.

Попутное примечание. Что касается тройки обменных процессов (типов метаболизма) «вещество – энергия – информация», это рамка другая по ракурсу. Мы еще обратимся к ней, но сам этот набор – из другой парадигмальной действительности. Мы уже выяснили, что к эгрегору имеют отношение такие понятия, как поле, энергия, влияние. И для начала надо разобраться с полем и веществом.

Веполь – целостное, хотя и двустороннее понятие. И вещество, и поле материальны. Кроме того, они способны переходить друг в друга: вещество иногда трактуется как сгущение поля, а поле – как разреженное вещество. В эволюции материи поле первично, а вещество вторично. Но для нас здесь важнее всего, что между веществом и полем нет непроходимой границы. В физическом мире это модусы одного и того же – материи.

Человек – существо многоуровневое, я подозреваю, что далеко не обо всех его уровнях наша культура имеет представление.

Совокупность его видимых вещественных уровней можно выстроить в иерархию. Многоуровневый полевой пласт тоже поддается некой иерархической упорядоченности: помнится, Эйнштейн, когда создавал общую теорию поля, решал и эту проблему. В физическом мире поля разделены по системным уровням: надсистемное гравитационное поле (макромир), системное электромагнитное поле (мир), подсистемное ядерное (микромир). Это важно, поскольку для начала нам следует поставить вопрос о полевым диапазоне человека и полевым уровне эгрегоров.

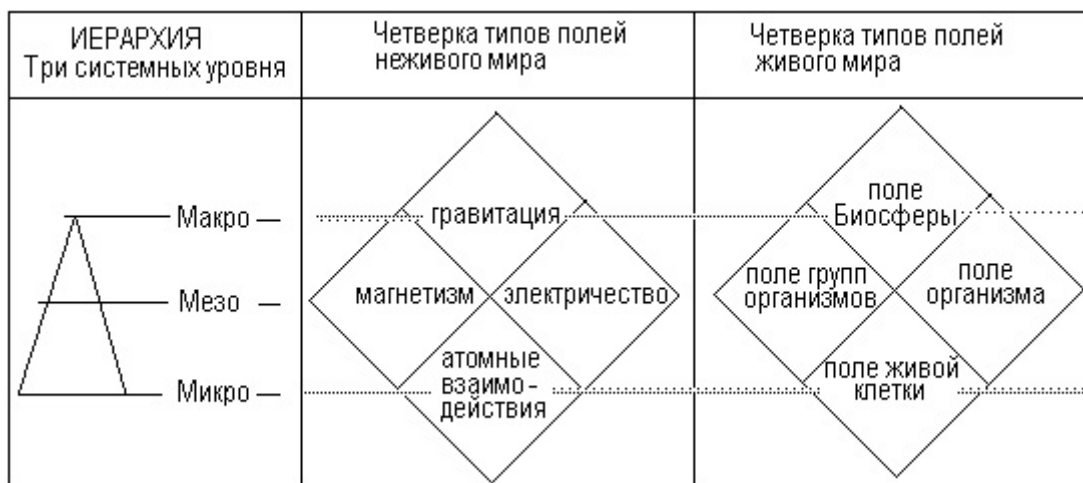

Рис. 7. Уровни и типы полевых структур неживого и живого.

Итого мы имеем следующую картинку: человек есть веполь, каждая сторона которого иерархически развернута. И если вспомнить, что между веществом и полем нет границы, то это может быть трактовано как одна и та же «иерархия веполя» под названием человек.

Такая модель упорядоченности (целое – пара – иерархии) раскрывает, условно говоря, физический потенциал человека. Мы констатируем, что он есть.

Что-то с этим спектром можно делать: история свидетельствует, что люди всегда находят, куда применить открытый потенциал.

Иерархически-непрерывная модель позволяет предположить использование на более высоких уровнях чего-то такого, чего принципиально нет на нижних уровнях вепольной иерархии человека.

Человек как организм и эгрегор

Переходя к понятию организма, мы применяем другую рамку, и имеем иную картину мира. Организм как целостность.

Вместо многих цитат, позволю себе более-менее свободный пересказ мнений ряда авторов, пишущих по данному поводу.

* Люди вырабатывают большое количество «тонких субстанций» или «ино-материй», строящих их же самих на «высших этажах».

Люди привлекают к себе огромное количество внешних «тонких субстанций», разлитых свободно в окружающем пространстве или концентрирующихся, по разным причинам, вокруг тех или иных источников либо потребителей. Эти привлечённые субстанции активно участвуют в строительстве «высших этажей» эгрегориального столба человека, придавая им те самые эффекты «изменения логики» на «верхних этажах».

Люди выстраивают на «высших этажах» особые «конструкции отношений», сложные и эффективно действующие («мосты», «каналы», «арки», ведущие к другим существам: людям, животным, а также местам, событиям и временам).

Если эти «конструкции отношений», объединяя интересы участников их, достаточно равноправны – то *они обозначаются как «эгрегоры»*.

* «Эгрегор» – это «коллективное бессознательное».

* Эгрегор – это психическая машина.

* «Эгрегор» – есть психо-энерго-информационное образование, созданное высшими «этажами» психической природы людей, групп или общностей таковых для решения задач совместного выживания. Эгрегоры строятся по принципам, разделяемыми их участниками и с закладыванием в них допустимых методов, присущих его строителям.

* «Эгрегор» – это особая форма бездушного управляющего высоко организованного «автомата», основной задачей которого является решение той задачи, для которой он создавался. В процессе решения этой задачи, эгрегор воспринимает и самих своих создателей как элементы, которые могут быть им использованы для её, задачи, разрешения.

Об эгрегоре человечества

По иерархической гипотезе, итогом социальной эволюции станет человечество. Поэтому его эгрегор больше всего нас и интересует.

Если принять тезис, что «эгрегор человечества» существует, то его внутреннее строение можно трактовать структурно, например иерархически.

Пространство уровней от человечества до человека заполнено промежуточными по масштабу эгрегорами. Вложенность, как в матрешке.

Говоря об «эгрегоре человечества» мы также можем предположить существование программы его разворачивания во времени. А самого этого эгрегора в завершённом состоянии может пока и не быть.

Его появление будет результатом действия всех промежуточных уровневых эгрегоров по этой программе. Получается, что эгрегор человечества – это нечто, условно «накрывающее» весь путь становления человечества со всеми уровнями. Но будет ли у человечества после его возникновения «эгрегор» или то-то другое, это нам пока неизвестно: после перехода на уровень выше меняется качество и потому для гипотез у нас недостаточно оснований. Очень хотелось бы понять его взаимоотношения с ноосферой, Мировым Разумом и т.д.

Вне зависимости от того существует ли «эгрегор человечества», такая гипотеза возможна. Вот ее черты:

- эгрегор человечества как субстанция может изучаться в естественной рамке в последовательности «поле – вещество – организм – эгрегор»;
- это временное волевое (Дух) и психическое (Душа) образование;
- это субстанциальное проявление Силы, находящейся в движении («да пребудет с вами Сила!»);
- эгрегор человечества становится за полный цикл социальной истории. Эта история еще не кончилась, как бы того ни хотелось фукуямам.

С иерархической точки зрения эгрегор человечества накрывает все эгрегоры всех уровней, он является условной вершиной эгрегориальной иерархии (праобраз ее – «точка Омега»). Но уровни эгрегоров пока что не поднимаются выше «эгрегоров мировых религий» или «лагерей социализма и капитализма» – ничего больше вроде бы пока не было. А верхний уровень по одной из моделей спешно достраивается сейчас: нас убеждают, что «мировой рынок» и прочие атрибуты глобализма то самое и есть.

Чего же такое «эгрегор Человечества»? Судя по всему, это «полевая субстанция», связанная с программой истории обществ, приводящих к человечеству. Она действует как специфическая организованность, а ее материалом является человек. Точнее – его подсознание.

Об эгрегоре человека

А вот человек – имеет ли он что-то подобное личному эгрегору? Вообще-то не должен, поскольку «агрегированное» подразумевает коллективное, групповое. Но в мире эгрегоров эта логика не проходит: человек добивается своих целей среди людей, используя других людей, а потому у него в потенции есть возможность построить его собственный эгрегор. Но только, если он втянет в него достаточно много народа.

Человек стал итогом биологической эволюции и началом социальной. Поэтому логично предположить, что в этой иерархии есть и нижний уровень – личный эгрегор человека. Это «антропоцентрический» предел в социальной истории.

Про этот особый «эгрегор» мы поговорим весьма подробно. И тем самым восстановим недостающую часть антропологии.

А между тем есть еще и другой взгляд на эту проблематику – естественный. Предел проявленности эгрегора в живом – биополе живой клетки (А.Г. Гурвич). В этой же области академик В.П. Казначеев открыл явление межклеточных дистантных электромагнитных взаимодействий в системе из двух тканевых структур, показывающее возможность нового вида передачи информации.

Пусть даже это некое «иноматериальное образования», тем не менее, эгрегор субстанциален. Это не программа, это действующий агент программы. Пусть даже пока гипотетический.

Программа «выращивания» человечества, как легко предположить, реализуется в сторону возникновения планетарного «эгрегора человечества». Это телеологическая онтология.

Эгрегор и ментал

В социальной истории неукоснительно реализуется программа становления человечества. Но где она находится? Мы поместили ее в «ментал», что переводится примерно как «невидимый». И попробуем наделять его некими признаками и значениями.

Вообще от всего этого закрадывается мысль, что никакой «материи» и никакой «энергии» в нашем случае не нужно – это все служебные понятия, порожденные несовершенством «парадигмы Природы». А нельзя ли обойтись без посредников?

Мы разделяем ту точку зрения, что Мысль – живая и она обладает своим сознанием. Мысль встречается с человеком и овладевают его сознанием, паразитирует на нем. Причем, сознание Мысли способно полностью блокировать сознание человека, в результате чего он и становится материалом для организованности мысли. Помните классика: «идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами». Жуткая ведь цитата.

Эта очевидность лучше всего видна на переходах между большими ментальными циклами, когда меняются парадигмы. Вспоминается, как Френсис Бекон боролся с «идолами», а Рене Декарт устанавливал правила своему уму для отсечения всего лишнего. Входной контроль, но нужен он им был, увы, всего только для перевода человечества из одной парадигмы (теологической) в другую (натуральную).

С информационной точки зрения:

- «ментал» более всего похож на информацию структуры,
- а «эгрегор» – на информацию действия. Поэтому он и связан с «полем».

Ментал есть программа, и потому он константен. Эгрегориальный мир есть энергетизированная субстанция, которая меняется по этой программе. Она существует в модификациях и живет во времени. Поэтому модусы-

эгрегоры временны, дискретны. Они ведут себя толи как живые существа, толи как логические понятия: плодятся и поглощают друг друга.

Ментальная программа человечества – высший управитель эгрегориальной истории. Это «верхнее понятие».

«Ментал» непрерывен. Это нечто единое, в котором информация «структуры истории» первична.

Отсюда наша гипотеза существования особой ментосферы Геи, где «ментал человечества» приобретает статус глобальной программы.

Есть правда одно условие. «Менталитет человечества» приобретает статус глобальной программы, только если человечество одно такое на Земле. А ведь вполне возможно, что есть запасные (параллельные) варианты. Это гипотезы параллельной социальной эволюции.

Идею множества можно развернуть и в Длинную Эволюцию Человечеств. Это гипотезы множества попыток образования человечества на Земле и даже целого длинного сценария исчезающих видов высшего живого и их цивилизационных историй (Е.П. Блаватская и т.д.). Можно также предположить, что за счет этой Длинной Эволюции происходит накопление какого-то нужного эволюционного качества – чем не концепт? И мы в этом ряду не обязательно последние, а только очередная популяция «социальной» эволюции. В биоэволюции это было, почему не может быть в «социальной» эволюции? Только потому, что эта уникальность декларировалась в Просвещении? Неубедительно.

Тут открывается целое направление: ментальная и эгрегориальная археология. По ряду признаков можно определить, что ...

Впрочем, пусть для большинства это пока останется только как прекрасная основа для фантастических романов, постмодернистических эссе или телепередач типа «Необъяснимо, но факт». Но это очень перспективная основа. Я немного написал об этом в книге «Формула истории», а сам концепт палеоэгрегориальной истории собираюсь развить. Если времени и сил хватит.

3.3. Веполь и Орэгр

Ну и чего из этого можно вытащить, если оставаться в рамках науки?

Если наука претендует на что-то принципиально новое, то такая наука должна выделить свою субстанцию. Субстанцией социального мира, как мы предположили, являются эгрегоры. Точнее, с моей позиции это один эгрегор – становящийся эгрегор человечества, у которого есть исторические и иерархические модусы.

Рассмотрим эгрегор в генетическом ряду этапов социоприродной эволюции в целом: слева направо.

Рис. 8. Этапы социоприродной эволюции в типах.

На системном уровне Земли мы получим вложенный набор: геосфера – биосфера – ментосфера – ноосфера (техносфера).

Отметим, кстати, странную зеркальную симметричность этой конструкции. Абиотическое единство «вещество-поле» (ве-поль) и биосоциальное единство «организм-эгрегор» (ор-эгр). **Веполь и Орэгр**. Они по составу одинаковы (вещественная и полевая части, в + п), а по сборке противоположны: «п + в» естественного и «в + п» биосоциального этапов.

Когда мы говорим про виды живого, – а видовая популяция есть основная единица эволюционной теории в биологии, – то имеет дело с комбинированным образованием типа Орэгр. Но в биологической истории эгрегор существует как «протоэгрегор». Нижний уровень протоэгрегоров – биополе живой клетки, а верхний – Биосфера Геи.

Основу технического устройства, по Г.С. Альтшуллеру, составляет Веполь. Когда мы говорим о технике, или «некрожизни», то там тоже есть

свои «клетки», «организмы» и «популяции». Их описывает техногенетика Б Кудрина, который обнаружил черты поразительного сходства эволюции техники с эволюцией живого. Эти инварианты – прекрасное основание для действительно Общей Теории Эволюции, или теории Большой эволюции.

Можно предположить, что итоговая формула здесь такая: Веполь + Орэгр. Получается, что эгрегор «отвечает за социальную эволюцию», но он ли приводит и к образованию Техносферы? Нам не неизвестно, что является целью Большой Эволюции. Может как раз техносфера. Опять как у Стругацких: нежить не есть жизнь, но откуда мы знаем, может быть целью эволюции и было создание нежити нашими биологическими руками.

Правда, трудно избавиться от того, что прочитал в 12-15 лет? Так и работает программирование: в нас вложен этот образ, это понятие. И теперь все видишь сквозь эту призму, принесенную нарративом.

Сила эволюции и ее сценарий

Чтобы подробнее ответить на вопрос о том, что есть «эгрегор», следует спросить: а откуда родом эта непреодолимая энергия – действующая Сила эволюции? Спенсер предлагал принять эту Силу как атрибут материи.

Но нас интересует иерархический ответ, ответ об управляемости. Снизу или сверху? Из биологической подсистемы, или из некой надсистемы, где и содержатся причины и программы? Или есть третья возможность?

Это вопрос!

Ответов мы можем получить столько, сколько было в истории ментальных парадигм. Ближе всего к нам ответ веры и ответ философии и науки. Ответ веры есть Бог. Он есть и причина, и действующая сила. Наш мир возникал по Его Воле и развивается по Его плану (божественное провидение). Пути Его неисповедимы, возможно только понимание и потому религиозная герменевтика – эгзегетика (от греч. ἐξηγητικός – объясняющий) ассоциируется с герменевтикой вообще. Хотя после опыта науки в XX веке и о герменевтике следует говорить шире.

ЧАСТЬ 4. ЭВОЛЮЦИЯ: УРОВНИ И ФАЗЫ

4.1. Взгляд философии

Философия непрерывно пытается рационально посмотреть на этот связанный перечень: причинность, движущая Сила и программа развития мира. Но вот что характерно, европейскую философию интересует совершенно другой ракурс. Это иерархическая связанность Материи и Идеи. На фреске Рафаэля Платон указывает вверх (Первична Идея), а его ученик Аристотель – вниз (первична Материя). И никто не отрицает их связанности.

Наиболее концептуальный ответ после Платона дал Г. Гегель (хотя за этим «знаком» у нас скрывается множество вариантов философии с принципиально единым инвариантом – взглядом из надсистемы). Говоря современным языком, переключение эволюционных программ идет сверху – такова его позиция. По Гегелю, живет в истории только единый Абсолютный Дух. У него есть уровни и фазы самоосуществления. Такая логика накрывает все, освящая происходящее лозунгом: «Все разумное действительно, и все действительно разумно».

Здесь следует развести то, что у Гегеля «склеено» в понятии Абсолютного Духа. Разум и Дух. По Гегелю, мы говорим Дух, подразумеваем Разум, мы говорим Разум, подразумеваем Дух.

Что интересно, В.И. Ленин был прав, обвинив старика Гегеля в том, что под видом действующего Абсолютного Духа скрывается Бог. А вот если обойти этот неудобный посыл, и принять за основу, что это Природа «саморазворачивается», почему-то методология Гегеля всех устраивает. Наверное, потому, что иной конструкции такого же масштаба и универсализма в европейской философии просто нет.

Ответ материализма звучит примерно так: сила эволюции присуща материи. Это свойство движущейся материи, которая имеет разные формы своего движения.

Примерно такой ответ есть у К. Маркса, который скрестил гегельянскую методологию с материализмом и тем самым поместил причины

скорее вниз, чем вверх. После Аристотеля Маркс дал первый развернутый ответ на наш вопрос «снизу»: его главным объяснением стала общественно-историческая практика.

Маркс посмотрел на исторический процесс сквозь призму деятельности и привлек для этого аппарат экономической теории, который изобрел и достроил по ходу своих поисков. В истории деятельно копошатся человечки, накапливают некоторое количество «производительных сил» (материал), отчего скачкообразно меняются «производственные отношения» (организованность). Получаются волны «социально-экономических формаций», последовательность которых Маркс и описал. Стройная такая машина из двух уровней, где экономика производит социальную историю за счет дуальности организованности и материала.

Инвариант именно такой. И он содержит явно видимую программу, по которой катится марксистско-ленинский «локомотив истории».

Теория Маркса построена вполне в духе «периодической системы» по отношению к обществу и его истории. Здесь заявлена мера (чего?) как единство количества и качества. Накопилось достаточное количество, происходит «перескок» на новый уровень качества. У Маркса «формации» выступают как *периоды* – уровни качества истории (устойчиво сохраняется «способ производства»). И все вроде бы хорошо и понятно, но остается необъясненным сам момент «включения» очередного нового качества в истории. Кто переключает рубильник истории, переводит с уровня на уровень? А само...

Так «Где у него кнопка?»

Ответ материализма примерно таков: люди деятельно осваивают один горизонт качества, пока сами не создают условия для переключения глобальной программы – и возникает новая организованность, формация с ее новым качеством. Перед нами самодвижение «социальной формы» материи, и баста. Это объяснение никакое, хотя для науки приемлемое: так устроено.

Впрочем, нас здесь волнует другой вопрос. Не «почему включаются новые уровни?» и даже не «кто переключает рубильник истории?» Нас интересует, *где содержится сам сценарий истории?* Где программа включения очередных этапов? Как ни крути, содержаться все это может только в надсистеме: «...для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок... план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу».

И теперь у нас целых два вопроса.

1. Где находится сценарий истории?

Его предел: где находится сценарий всей эволюции универсума?

2. Что есть сама эта непреодолимая Сила эволюции?

Пока она видится как единая действующая Сила, пронизывающая все уровни.

Есть и третья возможность ответа на эти вопросы.

«Мир как Воля и Представление» – это попытка А. Шопенгауэра принципиально изменить акцент. От Идеи и Материи повернуть к доминированию, первичности Духа (Воли) и Души (Представления). Подобных попыток изменить ракурс вопроса о первичности было несколько. Их даже иногда разворачивают в разного рода линии с продолжением, но делается это достаточно произвольно, чтобы принять одну из точек зрения.

У Г. Спенсера в центре внимания действующая Сила. Отсюда, из этой «перпендикулярной плоскости» по отношению к Идеям и Материи, у него и реализуется сценарий эволюции.

Вопрос о целях тоже возможен только здесь. Хотя это не вопрос философии и науки. Наука отвечает на другой вопрос: как это устроено, по каким законам существует?

Здесь возможен вопрос о целях человечества и целях отдельного человека.

Вопрос о целях человечества в конце XIX -начале XX века обсуждали русские космисты.

Прагматизм и эмпириомонизм, возникшие параллельно в те же годы, «перевели стрелку» на вопрос о способах достижения целей отдельного человека. К концу XX века прагматизм постепенно исчерпал рационалистические методы и сейчас наступает расцвет технологий, пытающихся точно так же употребить для своих целей потенциал Духа и возможности Души. Но как она при этом может выйти за круг рационализма? Только по хабермасовски – и весь постмодернизм про это.

Явление это не новое. Философия и раньше пыталась употребить инструментарий рационализма для сфер, ни ей, ни науке, не принадлежащих. Но в рационалистических философских системах дело ограничивалось разве что этикой и эстетикой. Иное дело сейчас. Прагматикам не нужна этика и эстетика, им нужно кнопку нажимать – и чтобы работало.

Проблема субстанции

Методологически К. Маркс поступил в духе своего времени. В том же веке в России Д.И. Менделеев создавал свою Периодическую систему для целого под названием «вещество». Оба они использовали общее построение – *матрицу меры*, раскрывающую единство количества и качества. Простейшим видом ее является инвариант типологической четверки древних.

Менделееву не было нужды решать проблемы генезиса, поскольку «вещество» почти прошло свой цикл «появления» и давно стало абиотическим стационарным основанием обозримой Природы. Дмитрий Иванович получил в своей матрице количественно-качественную развертку «вещества», картину спектра, состоящего из таксонов «химических элементов». Это был полный перечень. Он до сих пор образцовый и непревзойденный, и к тому же – самый зримый закон состава. Недаром Менделеев строил его в педагогических целях.

Если обратиться к Г. Гамову и его гипотезе «горячей Вселенной», то «вещество» – это принадлежность второй фазы единого процесса становления абиотического мира. Первая, физическая часть – это поля, или «излучения». Но Единая теория поля, над которой бился А. Эйнштейн и многие другие, так и не была создана. Отметим, что дивергентная часть эволюционного импульса плохо поддается системному описанию, а вот конвергентная – значительно лучше, в ней меньше единиц.

Нам важно указать, что становление неживого имеет две фазы и является при этом целым – абиотической субстанцией. В ее основе лежит физическое поле и законы организации вещества. Эти законы стали результатом действия программы саморазворачивания абиотической субстанции.

На этой стационарной основе неживого возникает единая биосоциальность, которая тоже имеет две фазы эволюционирования. Эта субстанция стоит на «биологическом поле» и «ментальной программе».

Итого:

- абиотическая субстанция – физические поля (вещество законосообразно существует в этих полях);
- биосоциальная субстанция – биологическом поле и ментальная программа, по которой живет живое.

4.2. Фазы биосоциальной эволюции

Первая фаза – эволюция живого от клетки до биосферы

Лестница живых существ Ламарка и эволюционные линии Дарвина и последующих биоэволюционистов неплохо состыковались. Но все-таки живое как системное и генетическое целое осталось в науке «недоклассифицированным» ввиду своего невероятного разнообразия.

Историческая причина здесь такова: биология возникает последней в ряду естественных наук в веке Просвещения, а ее расцвет приходится на XIX век. Ученые-биологи к тому времени просто не успели собрать и описать

весь свой ключевой материал, и до сих пор они тонут в его обилии, подавленные безумной сложностью и разнообразием живых природных конструкций из которых к тому же немногие сегодня остались на планете – примерно 1, 5 миллионов видов. Число пока еще не описанных видов живого оценивается, по меньшей мере, в 1 миллион.

Как известно, за всю историю на Земле существовало (по разным источникам) от 200 миллионов до 10 миллиардов видов живого! Не удивительно, что вопросы таксономического разнообразия и построения единой генетической картины появления всего живого на Земле далеки от разрешения. Впрочем, биологическая систематика не дремала и достигла впечатляющих успехов в XX веке. Системный поиск все еще идет, но он больше не обладает исторической актуальностью. «Таблицы Менделеева» в этой области не предвидится, а нечто более сложное широкой публике вообще не нужно – работает закон 7+-2.

Остается спросить – а зачем нам надо иметь полный каталог таксонов живого? Из любви к чистой науке, что ли? Сделают со временем и это, хотя по-настоящему острая потребность в полноценной «биологической матрице живого», аналогичной менделеевской, была именно в XIX веке.

Прагматический ответ – это ресурс. А ресурс требует учета.

Парадокс в том, что как только появилась теория биосферы, у всего этого построения возникло неожиданное завершение – появилось «верхнее понятие» и оно многое изменило. При помощи гипотезы биосферы «живая материя» (живое вещество) была осмыслена как надсистемное целое, как до того неживое «вещество». В том же XX-м веке А. Бергсон пробует описать экзистенцию этой субстанции. Кстати, и другие важнейшие работы философов-естественников начала XX века – тоже во многом экзистенциальные. Этот идейный разворот понятен, и мы его еще обсудим.

Но вот что странно. Предположив, что неживое вещество существует в физических полях, наука естественного толка продемонстрировала свои высшие достижения. Эта гипотетическая конструкция вепольной связки

позволила многого добиться на практике. А вот по отношению к «живому веществу» никакого такого поля не предусматривается. А почему, собственно это «вещество» не имеет своего мира «полей»? Только потому, что лучшие теоретики не справились даже с физической теорией поля? Куда уж тут до биополей.

Итак, на субстанции неживого и в прямом и в переносном смысле – стоит и строит себя вторая субстанция. Они связаны большой эволюционной последовательностью. Живое как новая организованность строит себя из неживого материала.

А далее: общество строит себя из живого материала людей и живого-неживого материала техники.

Наше предположение, сделанное по аналогии, состоит в следующем: как физические поля присущи дивергентной части импульса абиотической субстанции, так и биологические поля «держат» дивергентную часть импульса биосоциальной субстанции.

Этих полей, по крайней мере, четыре. Выстроим их в едином иерархическом отображении:

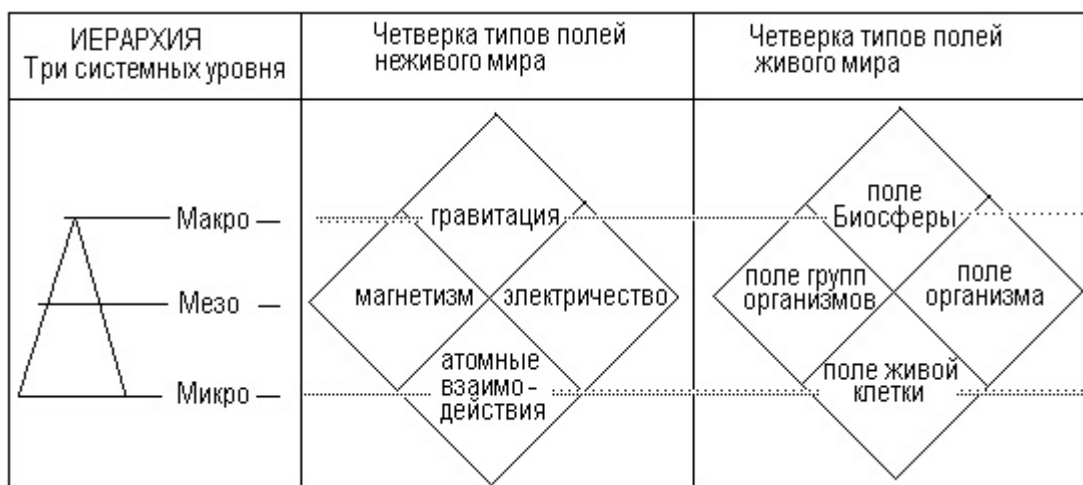

Рис. 9. Спектры полей неживого и живого мира в иерархической связке

На этой основе желающие могут провести аналогии, построить связи и т.д. Пользуйтесь!

Вторая фаза – социальная история

Прежде всего, социальная история имеет конвергентный характер. Ее единственный эволюционный аналог – эволюция вещества, или химическая эволюция. Но что парадоксально, этот пример обратный: там из поля образовывалось вещество, здесь из живого вещества и поверх него – новое поле. Хотя, глядя на предыдущую таблицу, можно увидеть и иной ракурс.

Марксу надо было упаковать социальную историю в свою матрицу, таково было требование науки его века. Он это частично проделал: «формации» и есть уровни качества в его «социальной матрице» – периоды. Но на вопрос: какой показатель «растет» в истории количественно (как «атомный вес» у химических элементов), Маркс ответил, что количественный показатель – рост производительных сил. Тем не менее, его социологическая теория осталась в основе качественной, поскольку «способ производства» трудно измерять количественно. Хотя попытки были.

Можно попробовать, опять-таки по аналогии с абиотическим миром, на место химических элементов подставить в модель Маркса количество людей на планете. Ведь «живут» и меняются, обладая все новыми качествами в социальном мире групповые эгрегоры («человеческий социум»), а люди – константное основание этих групп. Люди есть «социальные атомы».

Поскольку история еще не завершилась, Марксу пришлось дать прогноз последующего развития. И в этом прогнозе он, судя по всему, ошибся. Поскольку экстраполировал существующее положение дел в своей «капиталистической формации», опираясь на свою экономическую теорию. Так им была спроектирована его будущая «коммунистическая формация». Но мы живем сегодня в совершенно другом обществе. Хотя отрицать идеологическое влияние прогностической модели Маркса бессмысленно – некоторая часть человечества использует марксизм. Его идеология была просвещенческой, а вот реализовывать ее приходилось в и приходится в мире прагматического проектирования.

Вообще предсказать уровень принципиально иного качества путем экстраполяции очень трудно, может даже невозможно. Поэтому-то его предпочитают проектировать, осуществляя при этом подмену: мои цели против неизвестной программы с ее целями. Согласитесь, что цели здесь разные – цель проектировщика и цель истории, заданная экстраполяцией. Когда их сшивают вместе, возникает очередное «единственно верное учение» и появляются те, на кого история возложила... ну и так далее.

Маркс очень хотел нащупать сценарий истории и много добился при помощи своей формационно-циклической модели. Но, получается, что в надсистему истории он по-настоящему так и не вышел.

По-своему в надсистему выходил О. Конт, но только в самом общем виде. А его трехфазовая циклическая теория по масштабу оказалась системно-подсистемной.

Вопрос: меру чего описывал Маркс и последующие глобальные социологи? По аналогии можно сказать: меру социальной фазы биосоциальной субстанции. Кроме него эту тему всячески рассматривали авторы эволюционизма, как универсального, так и социального.

Если говорить о жизни социальной части субстанции в развертке, то она проявляет себя в истории через формации, общества и т.п. Здесь можно долго гулять по уровням, где масса ярусов и ракурсов – это поле социальной философии. Чтобы заполнить зияющую пропасть между человечеством и человеком, циклами формаций и циклом жизни личности, еще при жизни Маркса появились гипотезы локальных цивилизаций и культур. Первой из наиболее известных в этом ряду была теория Н.Я. Данилевского.

Гипотезы локальных цивилизаций и культур разрабатывали промежуточный уровень, построенный по другим основаниям. Кстати, все как один, они отрицали общий сценарий истории или обходили этот вопрос. Что не удивительно, поскольку они строили свои теории изнутри системы, где позволительно сравнивать однородное и выходить к таксонам. И потому основной предмет гордости авторов теорий «локальных цивилизаций» и

культур – количественный набор основных типов цивилизаций (культур). Даже у А. Тойнби сценарий истории принят как данность – так было.

В начале XX века эту проблему начали обсуждать в терминах управляемости и прежде всего – «организованности». Например, общество можно рассматривать через пару «организованность (материала) – материал», где материал – человек. На все эти вопросы наиболее последовательно попробовал ответить А.А. Богданов в своей знаменитой «Тектологии». От него идет линия к кибернетике Н. Винера и синергетике И. Пригожина.

* * *

Если выйти в надсистему истории, можно предположить, что там находится программа, включающая всякий раз более высокий по сложности тип «социальной организованности» на многих ярусах. Она есть организованность того, что имеет материалом общества и формации. Она содержит сценарий развертывания человечества.

Но как она живет во времени? Какая сила реализует этот сценарий?

Ответ Маркса и марксистов внутрисистемный: есть деятельность и человек вступает в деятельность, благодаря наличию у него потребностей и мотивов (мотивационной подсистемы). А источником ее является общество и сложившиеся «общественные отношения». По сути дела, это ответ технический – человек есть программируемый робот истории. Но это ответ социального проектировщика, каковым и был Маркс.

Перенесем эту модель уровнем ниже, в биотический мир. Разве клетки моего организма становятся функционализированными, поскольку испытывают в этом «потребность»? А источником ее является мой организм и сложившиеся в нем «организменные отношения»? Отношения, которые неизвестно откуда берутся, скорее всего из надсистемы. Вполне правдоподобно для самостановящегося живого.

«Самостояновление» во всех вариантах обходит вопрос Силы и экзистенцию.

4.3. Возникающие гипотезы

Включение программ

Из короткого обсуждения этого вопроса ясно только то, что в начале истории социальных людей включилась какая-то надсистемная программа. И здесь равновозможны любые гипотезы, чем больше, тем лучше. Мы воспользуемся появившейся возможностью и предложим вам свою гипотезу.

Момент возникновения человека и запуска социальной истории столь же загадочен, как и «Большой Космогонический Взрыв» и «Большой Биологический Взрыв». Центральный вопрос для нас: в чем состоит причина включения социальной программы?

Ракурсов здесь много, а вот принципиальных моделей куда меньше.

Например, это «Вопрошание и Ответ» (Вызов и Ответ) А. Тойнби. Как ни крути, речь здесь идет о «пинке», подобно известному афоризму: «нередко шаг вперед есть результат хорошего пинка сзади». Получается какой-то исторический бихевиоризм, где Вызов идет от Бога, а приспособливается к нему общество и, прежде всего, – элита.

Не принимая естественной гипотезы истории, Тойнби подставляет в качестве причины Бога. Но это похоже на модель истории Г. Гегеля, только речь у него идет о «скачке качества» (коренной перелом в развитии, качественное преобразование предмета или явления в результате количественных изменений). Бог или Абсолютный Дух, пинок или скачок качества – ракурсы немножко разные, схема одна. «Пинок» и «скачок качества» только фиксируют момент начала исторического цикла.

Можно взять энергетический ракурс истории. Схема Тойнби надсистемная: пинок сверху оставляет обществу (элите) свободу исторического творчества. Хотя какая траектория движения бывает от пинка, понятно: это импульс с фиксацией шести фаз. У Гегеля между двумя скачками качества располагается цикл жизни очередного модуса и он подчинен закону цикла с тремя фазами. Таков инвариант схемы Гегеля-Тойнби.

У Л.Н. Гумилева момент начала этногенетического цикла очень напоминает «впрыск пассионарной энергии», которая имеет надсистемный источник – Биосферу. «Энтос» не есть «общество», по определению. И Л.Н. Гумилев многократно относит все, что касается энергетики этноса, к Биосфере. Таким образом, в его теории представлена глобальная биоэнергетика. Имеет ли этногенез свою глобальную программу (сценарий истории этносов), пока остается неясным. Схема Гумилева принципиально системная и фиксирует цикл жизни этноса в глобальном биоэнергетическом измерении – «как есть». Никакой свободы этнос не имеет: впрыснутое «пассионарное топливо» циклически сгорает. Этот биоэнергетический цикл жизни этноса с фиксацией шести фаз – инвариант Л.Н. Гумилева.

Различим на этой основе «пассионарную энергию» пары этнос-биосфера (биоэнергетика) и «историческую энергию» пары общество-человечество (общественная энергетика).

В области циклической истории социума первым можно назвать прежде всего автора эпохи Просвещения Джанбатиста Вико. Он описывает историю совершенно нового для того времени предмета – наций, но по сути – тех же «социальных общностей». Вико фиксирует, что она носит циклический *провиденциальный* характер: нации живут свой цикл, подобно организмам, проживая детство, юность и зрелость. В этом цикле есть три фазы, или «три эпохи». В общем виде эти три эпохи опираются на иерархический инвариант. Иерархическая схема кладется на цикл и возникает последовательность смены фаз. Это инвариант Вико, который не меняется практически весь цикл Нового времени и актуален вплоть до середины XX века.

Иерархия	Носители	Эпохи	Тип соединения людей в общность
Макро	БОГИ	Божественная	Без государства, жреческий
Мезо	ГЕРОИ	Героическая	Аристократическое государство
Микро	ЛЮДИ	Гражданская	Демократическая республика

Рис. 10. Характеристика трех фаз.

У Вико есть и другая характеристика этих трех эпох в цикле жизни нации: религиозная – поэтическая – прозаическая эпохи. Она напрямую приводит нас к следующему автору, который использует аналогичную по смыслу тройку.

П.А. Сорокин в «Социодинамике культуры» дал циклический инвариант процесса динамики социума и культуры. Схема Сорокина проста и очень важна, поскольку он придает культуре отграничивающие признаки. **Культура у него является местом дислокации значений и ценностей.** Он строит иерархическую модель культуры (кстати, по аналогии с человеком). В ней три уровня (сверху вниз): уровень ценностей-идей, уровень ценностей-образов, уровень ценностей опыта. Вот наша интерпретация его иерархической модели в сопоставлении:

ЧЕЛОВЕК	КУЛЬТУРА	НОСИТЕЛИ
Разум	ценности-идеи	символы
Дух- Душа	ценности-идеалы	образы
Сома	ценности опыта	предметы (вещи)

Рис. 11. Соотношение тройных понятий.

Перекладывая эту иерархию на циклическую (фазовую) типологию, П. Сорокин фиксирует три разновидности культуры в рамках одного культурного цикла. Это **идеационная, идеалистическая и чувственная (сенситивная)** разновидности культуры. Иерархическая схема кладется на цикл и возникает последовательность смены фаз в культурном цикле. Это инвариант П.А. Сорокина в точности воспроизводит инвариант трех эпох Дж. Вико, и инвариант трех фаз Г. Гегеля, вот только объект у Сорокина несколько иной. Это «социальная и культурная динамика». Хотя я бы перевел ее как **культурная и цивилизационная.**

В середине XX века Т. Кун описал «парадигмальный цикл» для науки, а М.Ю. Лотман в работе «Культура и взрыв» зафиксировал циклический инвариант процесса культурной эволюции. Они идентичны в инварианте, но разные по предмету. Они опять-таки, фиксируют некий импульс: момент «взрыва» и распространения «содержания» (парадигмального или культурного). Причина появления этого цикла ни Куна, ни Лотмана особо не занимала, хотя отдельные мысли по этому поводу они высказали.

Заметим, что меняются уровни и предметы, но константен инвариант: иерархическая схема кладется на цикл и возникает последовательность смены фаз в цикле. Фаз может быть три в простом виде (Вико, Гегель, Конт, Сорокин) или шесть, если применяется прием их удвоения (Тойнби, Шпенглер, Гумилев).

Историографически выражаясь, движение идет в науке идет от надсистемных моделей (где могут высказываться интересующие нас гипотезы о причинах и силах эволюции), к системным и подсистемным моделям (где эти гипотезы не актуальны).

Остальные разновидности, а их немало, рассмотрены в моей книге «Эволюция ментального хронотопа».

Гипотеза одновременности

К вопросу о моменте запуска социума постоянно примешивается гипотеза «происхождения живого из неживого». И хотя она не была доказана, в неё все еще веруют и пишут о ней в книжках. Как известная эволюционная аналогия она продолжает работать и в нашей теме.

А если нет такого вопроса о происхождении жизни из неживого?

Тогда предположим, что пакет всех эволюционных программ «есть всегда» (поскольку он дислоцирован где-то в пространстве, где нашего системного «времени» нет). Раскрывается программа как бутон, только когда созреют условия для этого, не раньше и не позже. Это не противоречит ни Гегелю, ни Марксу – и здесь количество переходит в качество скачкообразно.

Но гипотеза приводит к интересному выводу: всё существует «одновременно», точнее говоря, **параллельно**.

Исходя из этой нашей «гипотезы одновременности», живое никак не может «происходить из» неживого всякими там бульонами, случайностями сочетаний природных условий и вероятностями – так создаются подходящие условия, но не причины. Просто при ветвлении модусов достигается этот уровень сложности и только тогда включается эта часть программы Вселенной. Один раз включается, на чем Пьер Тейар де Шарден всегда настаивал. Вот почему эволюция вторично не воспроизводима в «натуральном» эксперименте. А особенно – Большие Взрывы.

Чтобы чего-то запустилось, нужно прежде всего войти в надсистемный уровень по отношению к данной системе. Там вся управляемость. А внизу – только подходящие условия. Условия-то создать можно, ну и что? Гомункулуса без магии не получишь. Душу вдохнуть нужно. И отсюда главная моральная проблема клонирования.

Что это означает? Означает, что «всегда была и есть» любая программа – и программа развертки неживого, и программа развертки живой субстанции, и программа развертки субстанции социальной, и – выше. А «включилась» нужная программа, когда нечто на Земле достигло той необходимой степени сложности, при которой может запуститься и жить эта очередная программа. Это вполне в рамках понятия «Природа» и не требует дополнительных гипотез о Творце или творцах программ. Так есть, и все тут.

Хорошую гипотезу по этому поводу выдвинул академик В.П. Казначеев. Он считает интеллект априорным свойством живого вещества. По неизвестной причине, 3-5 млн. лет назад, родовые концентрации протогомид становятся основой появления в четырех географических зонах Земли сообществ людей, у которых присутствует «интеллект». Казначеев предположил, что все дело в количестве нейронов у людей, которое в совокупности достигло нужного критического уровня. Это привело к скачкообразному включению «интеллекта» за счет возникновения нового

образования: полевые формы живого вещества каждого нейрона (возможно, и других клеток) вдруг объединяются в одно кооперативное поле. Возникшее единое интеллектуальное полевое образование – это новая макроорганизованность, накрывающая то ли род, то ли весь географический участок (зону) в целом («интеллектуальные пятна»). «Так протогомниды становятся частью живого космопланетарного пространства в его интеллектуальной (разумной) ипостаси», итожит автор.

Разовьем его мысль. Вполне может быть, что речь идет о планетарном целом, которое уже в момент возникновения типологически разбилось на четыре геозоны со своими свойствами. Потом на этой основе мы увидим в истории и четверку зон образования цивилизаций, и четверку зон возникновения мировых религий и т.п. Это и наши четыре ментально различающихся типа на планете – первичные геоментальные типы. Они описаны в моей книге «Экзистенциальная системогенетика» и свернуто – в книге «Формула истории». Что отличает наш взгляд – мы сразу можем задать их типологические отличия в объемлющем целом Земли. И эти ментальные отличия замечательно видны в каждой фазе истории. Если же мы будем базироваться на гипотезе интеллекта, это будут бесцветные и не связанные «пятна».

К данной гипотезе В.П. Казначеева мы еще вернемся. А пока четко зафиксируем нашу точку зрения. Можно измерять по количеству одновременно работающих нейронов, но наше предположение проще: речь идет о количестве людей. И включается при этом разум, но разум поверх и на основе ментала. И далее: всякий раз, когда достаточная масса людей накапливается, происходит включение следующего этапа программы:

- возникновение четырех очагов политео-цивилизации в античности (плюс американские дублеры);
- возникновение четырех мировых религий в тех же зонах в средневековье и превращение поли-тео-цивилизаций в моно-тео-цивилизации;

- возникновение четырех очагов развития знания и изобретательства.

Далее нам представляют дело так, что склейка «наука + техника» приводит к лидерству евроамериканской цивилизации. Но на самом деле речь идет о том, что уникальное сочетание атомарного индивидуализма и производной из него демократии (+ протестантский дух) создали условие для резкого ускорения этой линии и построения индустриальной и постиндустриальной цивилизации.

* * *

Оставим пока в стороне вопрос о сценарии – последовательно связаны эти программы, или есть варианты сценария? Мы этого пока не знаем, хотя П. Тейяр де Шарден по этому поводу утверждает, что:

- а) включение каждого нового уровня происходит только раз;
- б) эволюция движется в сторону усложнения своих «конструкций».

Он прав, поэтому вместо «количества, переходящего в качество», будем говорить, ну скажем, о достижении необходимой степени сложности, при которой происходит включение новой программы, проявленность нового уровня, активизация новой субстанции. Эта новая программа запускает новую реальность, если угодно – формирует возможность под новую онтологию. Эта новая субстанция имеет другую сущность и другое существование. Натуральный эволюционизм предполагает, что все эти способы существования имеют одну общую черту: развитие в сторону усложнения. И отсюда вывод по аналогии: социальная субстанция тоже развивается в сторону усложнения.

Если принять гипотезу одновременности, то уже с момента Большого Космогонического Взрыва начинают образовываться не только физические поля, но и ментальные (порождающие эгрегорические образования). Можно допустить, что интересующие нас поля формируются медленнее простых физических, поскольку структура их сложнее. Или, что это – некие комбинации физических полей, что вряд ли. Главное: ментальные поля и

протоэгрегоры существовали с момента возникновения Вселенной, а может быть – только живого. Как и в гипотезе В.П. Казначеева – интеллект есть свойство живого вещества в целом.

Возникает вопрос: почему их не нашли до сих пор? Да потому, что не искали. Искать можно только то, что положено в качестве идеального объекта. В науке шел поиск полей преимущественно для потребностей технического мира. О биополе живой клетки в 20-е годы писал русский ученый Гурвич, а впоследствии это стало целым направлением в науке, хотя и не очень известным широким кругам.

* * *

Теперь представьте, какие открываются перспективы, если принять, что «всегда есть все» и оно перед вами, пусть даже в потенции. При этом надо понимать, что актуально только то, что соответствует достигнутому уровню сложности этой части Универсума. Остальное потенциально, и соприкоснуться с ним можно только тогда, когда дорастешь и зарезонируешь с соответствующим уровнем сложности Вселенной.

Мыслящий и развивающийся человек только тем и занят. Ему всегда хочется забраться именно туда, повыше уровнем. Но он должен понимать, что войти в контакт с этим можно только по закону соответствия достигнутому уровню сложности себя, а остальное – все так же потенциально.

По-моему, это неплохо объясняет множество восточных учений и практик, а также их иногда поразительные результаты.

* * *

Можно также предположить, что такое странное для нас устройство мира есть «защита от дурака». В качестве особо злобного дурака сегодня выступает ученый, этика которого находится в ином временном измерении, чем его инструменты.

Ученый трясет Природу (естествоиспытатель) и вопрошает ее, находясь на службе у безответственных политиканов и даже террористов. В

основном – из-за денег, хотя бывает и по воле других обстоятельств. Деньги и идеологии как бы снимают с него ответственность, и ученый говорит наподобие современного киллера: да, я их всех убил, там в Хиросиме, но в этом нет «ничего личного». А иначе чем бы я свое потомство накормил, как бы я выполнил свой долг перед Родиной? Я только и умею, что вопрошать природу. И «кто-то должен» это делать.

Поэтому я где-то понимаю, почему в средневековье наука была запрещена наряду с магией. Но ящик Пандоры, увы, уже приоткрыт любопытствующими.

* * *

Когда понимаешь, что все и всегда рядом с нами и даже в нас самих, все меняется. Меняется объемлющая онтология и отношения с миром. В том числе – меняется этика.

Например, меняется мое личное отношение к будущему: я просто не вырос, не достиг того необходимого состояния сложности, чтобы будущее проявилось на этом уровне. Так накапливай в себе это. И будь уверен, что Путь на Земле всегда содержит возможность настройки на что угодно и достижения чего угодно.

Ограничений нет? Кто знает. Но почему не попробовать опираться и на эту гипотезу? Она ничем не хуже других. И даже, пожалуй, продуктивнее.

Гипотеза «эмбриональной фазы» видимой эволюции

Древние изображали Вселенную как яйцо. Мне всегда нравился этот образ, поскольку нечто стационарное есть идеальный шар (таковы солнца и планеты), а вот движущийся шар всегда приобретает форму яйца. Вселенная куда-то движется, поскольку находится в развитии.

Остается выдвинуть вторую гипотезу, похожую на воспоминание – почему-то все эти программы неживого и биосоциального так запросто прокручиваются, оставляя впечатление «и это все было».

Как считается, наша Вселенная, прошла через известную «точку сингулярности», точку возникновения, Большой взрыв. Она усложняется.

Моя вторая гипотеза такова: Вселенная на этом витке эволюции имеет шанс достичь большего, чем достигла «в прошлый раз», до того, как зародилась в этот раз в Большом Взрыве. И мы живем в момент, когда ее программы воспроизведения промежуточных субстанций-существований ускоренно прокручиваются. Похоже на эмбрион человека, ускоренно проходящий внутриутробные стадии от простейшей клетки до самого сложного млекопитающего. А ведь пройдя все эти ускоренные этапы (филогенез, свернутый в онтогенезе), Вселенной надо будет еще полноценно «родиться» в каком-то особом качестве, в чем-то ином, находящемся за пределами «яйца Вселенной».

Прокручиваются все эти этапы эволюции Вселенной ускоренно, поскольку они уже были ранее и записаны в программе ее разворачивания. В «эволюционной памяти» Вселенной.

Прокручиваются убыстренно, чтобы в итоге выйти на непаханное поле эволюционного творчества чего-то, чего мы пока представить не в состоянии. И я откуда-то знаю, что вот этого «сверхнового» нет в наличном пакете программ эволюции.

Такое вот непонятно откуда возникающее ощущение или скорее «интуитивное знание». Очень устойчивое.

И хотя я выразил все это далеко не так, как понимаю в глубине себя, для начала примем хотя бы такую упрощенную гипотезу в такой картинке. В любом случае «мысль изреченная есть ложь».

Откуда эта гипотеза? Скажем так: слишком четкие законы и структуры нам позволено открывать. В том числе программу человека (типа генома человека и человечества). А в социальном мире я отчетливо вижу программу самостановления общества. Мне остается рассказать вам ее, если получится. И я пробую не первый раз, и она становится все отчетливее в деталях.

Но есть одно условие: «обстоятельства настоящего». В настоящем большинство не волнует Вселенная, а волнует – что из этого следует для моей личной пользы? А много чего следует.

Проблема субстанции и значимости

Традиций обращения к этим проблемам не так уж много.

В.П. Казначеев отвечает на этот вопрос смысловой склейкой: разум есть свойство живого вещества. И все тут. Но есть и другие ответы, иногда прямо противоположные.

Для одних важен вопрос об основаниях, и они разводят мир на Мир Идей и Мир Вещей; это схема Платона. У рационалистов много достижений, вот только им трудно ответить на один вопрос – как же живут в реальности эти два недвижных мира. Поскольку для них это вопрос вторичный, то поперек рационализма возникает и живет много чего другого: герменевтика, принцип деятельности, экзистенциализм, мыслекоммуникация и т.п. образования. Рационализм порождает для объяснения процессуирующего очень сложные картины, несущие чувство, что мир там отражается в сотне параллельных зеркал. А он прост, и мы все знаем, что это условие его жизни.

Оставаясь последовательными натуралистами, мы должны задаться вопросом «что живет?» Вопрос ведь действительно в том, кто (или что) живет в истории. И ответ надо давать из надсистемы, иначе не будет никакой истории в ее целостности. Для надсистемы все эти люди, социальные общности и т.д. – в системном смысле есть уровни и акторы ее становящейся структуры. Люди, копошащиеся в своей деятельности, строят мемфордскими «мегамашинами» очередную вавилонскую башню технотронного общества. Общества меняются, и итоге движутся к чему-то единому на том следующем уровне, который мы маркируем как «человечество». Такова натуральная системная картинка генезиса истории сегодня.

В пределе поставленный нами вопрос – это вопрос о субстанциальности всей общественной сферы. «Социальная форма движения

материи» меня не устраивает без субстанции. Как и сама социальная «материя», невозможная вне этого движения. Это взгляд снизу, из подсистем.

Я же смотрю из над-надсистемы, поэтому при чем тут «формы движения материи». У меня вопрос поперек них: где программа саморазворачивания этой субстанции и как она действует во времени, какими силами?

По масштабу (от нас вверх) эта программа «глобальная». А вся наша социальная история есть единый цикл работы этой глобальной программы. А если я спрошу, каков ее Путь, каков цикл жизни социальной субстанции, ее Дао? Это будет уже циклическая картина существования и разворачивания во времени этой субстанции.

Но не это, собственно, важно с позиций меня, живущего сейчас. Для меня важнее, что эта программа не только управляет всей этой сферой в истории и она своими инструментами доходит до меня и выкручивает мне руки, зараза! Она меня использует, не оставляя ничего от моей мифической «человеческой свободы». А кто вам сказал, что бывает иначе? Человеку социальному нельзя не вписываться в социум, человеку историческому не спрыгнуть с локомотива истории. «Остановите Землю, я хочу выйти!» – это вопль «бунтующего Человека» А. Камю.

С этой позиции суицид – явление преимущественно социальное. Безвыходность – она ведь не в реальности, а только в социальной действительности. И стоит из нее выйти, человек нередко избегает суицида. Кстати, об этом еще древние греки знали, применявшие в таких безнадежных случаях особую эстетотерпию: лечение прекрасными видами природы, музыкой птиц и т.д. и т.п. А уж у китайцев и японцев этот культ гармонии с природой просто в генокоде культуры зашит. Да и у нашего народа, если брать его негородскую часть, такой проблемы вроде как не было.

Так что, чем дальше мы отстоим от природы, тем больше будет попыток суицида. И не удивительно, что любая цивилизация, особенно духовная власть всяко стремится удержать свои атомы от самоуничтожения.

ЧАСТЬ 5. ПРОГРАММЫ В ИЕРАРХИИ

5.1. Иерархическая вложенность

Мы решили, что попробуем мыслить из над-над-системы по отношению к нам. Сделаем уверенный шаг вверх, в очень дальнее будущее, и тогда мы поймем, что человечество в новом масштабе есть такая же «особь», как сейчас – человек. В том своем отдаленном будущем человечество выступает в качестве материала для чего-то единого в нашей звездной системе и вписано в историю звездной системы как целого. А гиперорганизм «звезда и ее планеты» как живущее суперсущество вписан уровнем еще куда-то выше, в «Великое Кольцо». Так можно играть в матрешки долго, пока хватит хоть каких-то знаний и гипотез, любых представлений и аналогий. Мы упираемся только в некий предел мысленной освоенности мира, но не предел самого этого мира. Это тот же «хрустальный купол небосвода», что накрывал мир в средневековье, хорошая классическая метафора «края мира» – она теперь релятивистская.

Рис. 12. Заглядывая за край мира.

Программа появления человечества, трактуемая оттуда – не более важна, чем история одной-единственной молекулы, или клетки, из которой построено мое тело. Чтобы эта клетка появилась, должен был развиваться

физико-химический космос, познание которого так прославило классическую науку. Это познания содержит пласт «наследования из прошлого» и возможность экстраполяции – предвидения на этой основе. Некоторым кажется, что это все, чем мы располагаем, благодаря науке. Но будущее приходит к нам и иначе.

Кого особо заинтересует история одной молекулы или клетки, если их – тьма тьмущая и подчинены они тем же *законам программируемых соединений*. И кого волнует история человечества, если речь идет о Вселенной и ее над-истории. Нас в ней – тьма тьмущая.

Вот с этой «значимостью» какая проблема, – системно-масштабная.

Посмотрим, что накопал по этому поводу рационализм.

Как предполагают некоторые, это не мы мыслим, это «Мышление мыслит нами». И наша нравственность должна состоять в том, чтобы встречным образом принять Мышление в нас – и действовать. Очень похоже на К.С. Станиславского: «надо любить не себя в искусстве, а искусство в себе». В любом варианте мы должны обеспечить, так сказать, «его на нас паразитирование» и знать свое место в мире больших чисел.

В этой гипотезе Мышление явно находится в надсистеме. Находясь там, оно имеет возможность чему-то принадлежать, быть атрибутом некой субстанции. Как минимум, Разум есть атрибут косной материи, абиотического мира, полей, вакуума и т.п. По В.П. Казначееву, интеллект – свойство живого вещества. По А.И. Субетто, разум принадлежит обществу в форме «совокупного общественного интеллекта», он накапливается в истории. Неживое, живое и общество – это то, что уже есть. Как максимум, Разум принадлежит Человечеству, которого пока нет. Атрибутивные гипотезы приписывания, принадлежности и т.д. оставляют возможность их проверяемости, хотя пока это очень трудно сделать. В первую очередь развивается здесь то, на что есть технические возможности, а потому сегодня в гипотезах преобладают всякого рода физически фиксируемые «поля».

Впрочем, атрибутивность, принадлежность чему-то другому не обязательна: субстанция Мышления может рассматриваться и сама по себе.

Рассмотрим иерархическую аналогию между био и социо уровнями. Я состою из клеток. И со стороны клеток очень правильно быть мной. Очень нравственно. Я предполагаю также, что удерживает клетки в этом состоянии «долженствования быть мной» некая сила, она же программа (информационная голограмма). «Я» и есть программа связи живых клеток моего организма в меня, любимого. И в этом аспекте Я-организма «Я» не отличимо ни от чего прочего, которое мы можем назвать единым, целым, или системой.

Это и есть инвариант большинства иерархических построений науки, как старой, так и новой. Для нашего случая он еще и антропоцентрический, поскольку связан с нами, и никаких других целостностей мы на самом деле не знаем и не хотим пока знать.

Я догадываюсь, что «Я» – больше, чем это замечательное логико-аксиологическое сооружение. Хотя доказать эту догадку нельзя. Попробуем ее хотя бы развить.

5.2. Совокупность программ

С позиций науки можно только удивляться, как это биологическое хитросплетение, химическое и физическое в основании, существует, живет, развивается и усложняется. Знаю, что «живет по законам», но какие силы это все так прочно держат?

Когда мне рассказывают о сильных взаимодействиях в кварках и слабых взаимодействиях в атомах, а потом суют под нос атомные электростанции, я верю, что нижняя основа мира такова – а что еще остается. В телескопы мне показывают космос, и я понимаю, что все это держится за счет сил гравитации, особого типа поля. Мы немного научились с гравитацией бороться, но пока не можем использовать эту даровую энергию.

Остается электричество и магнетизм – основа абиотической техники индустриального общества.

А вот что удерживает живые клетки? На этот вопрос пробовал ответить Гурвич, который выдвинул гипотезу существования биополя живой клетки. Она явно была выдвинута по аналогии с более изученным абиотическим миром. Отсюда один шаг до «биополя живого организма» вообще, и биополя человека, в частности.

Энергия биосферы, которую исторически описал для этносов Л.Н. Гумилев, тоже вроде бы узаконена. Хотя как таковой «теории энергетики биосферы» в чистом виде мне пока не встретилось, но есть подступы к ней (В.Г. Горшков. Энергетика биосферы и устойчивость состояния окружающей среды. – М.: ВИНТИ, 1990. – 238 с.; Холманский А.С. Энергетическая иерархия биосферы. asholman@mtu-net.ru и др).

Можно взять и такой предел, как поле биосоциального в целом. Есть ли здесь что-то свое?

На это вопрос своеобразно отвечает В.П. Казначеев, выдвинувший гипотезу связи живого вещества и полевой формы в ряду эволюционных ступеней. По его мысли, инверсия ролей существования белково-нуклеидной и полевой форм привела на рубеже 3-5 млн. лет к появлению социально-стайного механизма. Этот новый полевой механизм связывают с социальным (общественным) интеллектом. Интеллект здесь возникает на качественно новой, социальной ступени «стаи».

Все это новое остается в рамках «естественной парадигмы». И не требует новых гипотез, ибо сказано Оккамом «не умножай сущностей».

Но мы все же попытаемся развести действующую линию Разума-Интеллекта и не менее действенную ментальную линию.

5.2.1. Основные настройки человека

Хотелось бы рассказать всю эту фантастическую историю целиком, но придется быть очень кратким – по необходимости. Суть этой истории в том,

что с 1994 года мне довелось работать с «контактерами», которые в основном были моими друзьями. Только сейчас я понял, что с тех пор миновал целый солнечный цикл, 11 лет. И некоторых уже нет в живых. Эти мои знакомые контактеры «принимали информацию» а потом с ее помощью лечили людей. Причем, лечили все лучше, по мере получения и освоения своей уникальной информации. Информации этой много и она вся необычна. И что характерно, это локальное явление (знание ниоткуда – лечение людей) происходило, мягко говоря, на пустом месте. Некоторые контактеры были не только не религиозны, но порой еще и совершенно не образованы.

Подобное явление «получения информации ниоткуда» происходило в нашей истории не раз. Кроме того, что я видел и пробовал сам, я еще и много читал про это. Но дело даже не в самой информации, а в том, что она иногда «работает» в реальном мире. Хотя установить, когда она сработает, а когда нет – пока что достоверно невозможно.

Но вот что я вынес для себя в качестве вывода: основные настройки человека находятся вне его тела. И вообще, большая часть «человека» невидима для нас. Если очень коротко, всё самое существенное – вне нас.

Для Востока это утверждение – банальность, поскольку мудрецы Востока идут сверху вниз. Для западных мыслителей оно «требует доказательств». Но вот что интересно, сколько бы настоящих доказательств наука и практика не предложили, они ничего не изменят. И я даже знаю, почему. Потому, что науке в случае признания этих доказательств, придется сменить не очередную парадигму, а собственные основания. Она перестанет быть наукой.

Уровней настройки человека столько, сколько вы сможете освоить. Обычно контактеры слегка осваивают от одного до трех уровней. И многие на этом останавливаются, поскольку работа эта не из легких. Многие бросают и остаются с чувством досады – правда, по другим причинам.

Проблема практическая всегда одна – как настройки «оттуда» довести до нашего «реального» мира. Как наложить их на реальность и заставить

вашу новую программу жить во времени. Здесь много противоречий и ограничений: ведь большая часть человека программируется на уровне сверхустойчивых автоматов. Вмешиваться в эти автоматы – дело практически безнадежное, степень свободы здесь очень невелика. А есть устройства такого уровня, что их обходят даже йоги и суфии. «Никогда не трогайте сердце и мозг» – это универсальный запрет, поскольку «не нашего ума это дело». Это полностью закрытые автоматы, скорее всего взаимосвязанные. Причем, они самые короткоживущие: клиническая смерть при остановке сердца в пределах пяти минут приводит к отмиранию клеток мозга. А прочие органы еще долго остаются пригодными, отчего и используются при трансплантациях.

Совокупность программ Человека имеет сложнейшее иерархическое строение. Но сейчас речь о главном – все, что происходит в этом пространстве целей и сил, происходит в мире вне нас. Если говорить о целях, то мы, по гипотезе, имеем дело с миром эгрегоров. И если хочешь сменить нечто в своих целях и программе жизни, следует устанавливать контакт и питать своей энергией нужный эгрегор. В целом способов много, но о них мы поговорим позже.

Из этого опыта я впервые понял, что одно из таких невидимых устройств – «программный аппарат» человека. Он, во-первых, непрерывно руководит нашим «поведением», а во-вторых, руководит нашим выбором в самых сложных ситуациях жизни. Как «осознаваемым» нами выбором, так и при помощи «интуиции». Выбор всегда связан с понятием воли.

В естественной парадигме это имеет объяснение через совокупность «сигнальных систем», (которых у человека гораздо больше двух животных и далеко не все поддаются фиксации). Но это механизмы, а не причины.

Именно там, в «программном аппарате» человека содержатся цели, мотивы, жизненные программы человека. Этот аппарат тоже по большей части закрыт для вмешательства, и это правильно, иначе будет хаос. Хотя порядок здесь не столь жесткий, как в неживом мире, иначе мы были бы

биороботами. Существует некоторая степень свободы и у человека в социуме, и в отдельности.

Можно предполагать, что многоуровневая конструкция человека, к которой подключены эгрегоры и циркулирует ментальная энергетика – только часть колоссального эгрегориально-энергетического мира Вселенной. И пока мы ограничимся этой частью.

5.2.2. Биологические программы

Факт наличия в человека многих программ многих уровней принят «в силу его очевидности».

Прото-ментальность есть уже в биомире. Она обеспечивает управление поведением на уровне групп и видов, а не особей. Прото-ментальный контур сохраняется и у людей, что доказывает теория этногенеза. Этнотом руководит биосфера. Этнос руководит входящими в него людьми.

Начнем с биологической основы. Разделительной полосой здесь является «особь», живой организм. «Я» – есть системная уровневая программа. Но почти всегда есть биологические программы ниже уровнем и программы выше нее по уровню.

Программы-автоматы уровней ниже особи

Способы образования живого организма из вещества окружающего мира – это перечень шедевров конструкторской мысли.

О простейших организмов и их движении к сложным многоклеточным организмам знают все, кто учил биологию в школе. Возникает «клеточная цивилизация», в которой присутствует сложнейшая функциональная специализация клеток. В итоге длительного приспособления она оптимальна в условиях Земли. Это многоклеточное целое как раз и объединяет программа живого организма, особи.

Но какая сила, скажите на милость, держит эти клетки вместе? Предположим, что это «целое организма» располагается вне клеток, в

надсистеме, и цикл его жизни значительно больше, чем цикл жизни живой клетки. Клетки проходят весь свой путь в организме (клеточной цивилизации), отчего пара «организм и клетки» очень напоминают пару «люди и общество».

Уже здесь работает «принцип кооперации», который снаружи выглядит существенно иначе, чем изнутри. От моего «Я» этот принцип оставляет совсем мало чего. Я-особь практически вся состоит из программ-автоматов нижних уровней.

При достижении некой степени сложности совершается «фазовый переход» и включается программа следующего уровня. Становясь, она опирается на все эти автоматы нижних уровней. Программа эта – не просто программа кооперации, по Тейару. Это штука значительно более сложная и требует отдельного рассмотрения.

Назовем стабилизированные работающие конструкции подсистемными автоматами (по отношению к организму особи). Они устойчивы, поэтому на них можно опираться. Внутри нас работают исключительно надежные конструкции, благодаря им бьется сердце, бегают кровь, мы дышим и т.п.

А относятся ли сюда инстинкты? Они ведь очень похожи на описанные здесь биологические программы. Они тоже руководят поведением особи.

В целом инстинкты можно отнести к эволюционным инвариантам, как это делал А. Бергсон. Но все зависит от уровня.

Программы-автоматы уровнем выше особи

Их много. Мы для иллюстрации возьмем парочку.

Популяция есть единство, объединяющее особи, входящие в вид, группа особей одного вида. Вид как целостная и замкнутая система был выделен Н.И. Вавиловым. У популяции есть «видовое единство», характер которого описывается признаками.

Предмет изучения «популяционной генетики» – процессы формирования генетического состава популяции.

Понятно, что популяция есть вместе с тем и особая «видовая программа». У популяционной программы уровень сложности таков, что только здесь мы и можем говорить о системе. Как известно по Ч. Дарвину, эволюционируют не отдельные особи, а именно популяции. Но на аспекты, которые акцентировал Дарвин, и которые были так важны в его эпоху, сегодня можно посмотреть и иначе. Как, например, это делает СТЭ или теория канализированной эволюции.

Можно ли обнаружить «целое» в поведении популяций? Кажется, что у популяции нет поведения, разве что Судьба. Поскольку естественный отбор и приспособление видов к условиям Земли «поведением» назвать трудно.

* * *

Главные биологические категории – геном (генотип), клетка, организм, популяция, биогеоценоз, биосфера, – системные. И они иерархически вложенные: биосфера складывается из биогеоценозов, представленных популяциями организмов разных видов, а тела организмов имеют клеточное строение. Это совокупность уровней живого, хотя и условная, но каждый уровень имеет свое уровневое качество и свою организованность. Интересующие нас надорганизменные уровни – видовой, биогеоценозический, биосферный. На этом заканчивается планетарная иерархия, но не заканчивается сама иерархия живого в космосе. Можно ведь построить гипотезы об уровнях космической жизни и кое-что из этого извлечь: какое место будет занимать наша биосфера в тех или иных моделях и т.д.

Но нас интересует следующее: переход из биосферного состояния в социальное. Если таковой вообще имел место быть. Тот антропобиогеоценоз (Казначеев, 1973), с которым мы имеем дело сейчас – это конечный итог сосуществования уже двух разных больших систем.

Говорить об этом приходится с осторожностью, поскольку дарвиновская гипотеза о переходных формах внутри живого последнее время усиленно опровергается.

ЧАСТЬ 6. ОТ СТАИ ДО ЦИВИЛИЗАЦИИ

Рассмотренная ранее «популяция» – системно-уровневое образование, распространяющееся на все живое. А нас, людей, интересует то, что поближе к нам, высшим животным.

6.1. Стая и ее программа

Будучи сложным млекопитающим, я живу групповым образом. Например, в стае (стаде, сообществе...). Тут на меня, биологическую особь, одевается верхняя программа – это программа стаи. Стая живет как целое, как организм, и «паразитирует» на особях, в нее входящих. А разве «Я» не паразитирую точно так же на клетках моего организма? Такого рода «паразитирование» – просто обратная сторона кооперации.

Программа эта известна в науке также опосредовано – по физиологическим проявлениям организма как «первая и вторая сигнальные системы» и их взаимодействие.

Уже здесь маячит вопрос: что такое «программа стаи», отпечатанная во мне? И возникает смутный образ, где стая есть нечто целое, имеющая свое поведение, а лица ее членов – неразличимы. Это целое «впускает меня в себя», накладывая при этом на меня существенные ограничения и предоставляя за это некие эволюционные преимущества: «членство» в стае усиливает выживаемость Я-особей. Программа стаи динамическая и потому, принимая ее, я кое-чего наследую из эволюционного опыта этого образования – стаи. Интересно, хоть кто-то проверял эти тезисы?

Или такой вопрос: а у меня при этом больше или меньше степень свободы? Вопрос европейский, Нового времени. Прочие задают другой вопрос – а моя выживаемость увеличивается? А рода? Если да, я готов пожертвовать частью свободы себя как особи. В некоторых вариантах – чуть ли не всей своей свободой.

Кооперация такого рода способствует выживаемости – это догма. Догмы имеют воплощение. Когда появляется нечто вроде завершеного

муравейника, возникает функциональная специализация особей в этом целом. Теперь Я – глаза или мускулы, или нервы стаи. Я – функция муравейника, функция неизменного целого.

Жесткие образования типа муравейника не развиваются. Приспособились в своей нише – и хорош! Главное, чтоб ниша не менялась, иначе гибель. В муравейнике его целое зафиксировано практически навсегда. Интересно, где именно находится программа муравейника и как она передается муравьиным особям?

А. Зиновьев назвал человеческое сообщество «человеиником». Аналогия верная, но однобокая. В обществе как раз постоянно меняется и целое, и функции его членов. Но это в масштабе истории. А так, внешне и сиюминутно, очень похоже.

* * *

Остановимся здесь. Пока это сплошь банальности, но они важны, поскольку увлекают вас в ловушку.

Начнем с признаков.

Стая есть целое, живущее уровнем выше, чем я-особь. Она иногда даже обозрима и вещественна, когда собаки сбиваются вместе в стужу. Но они приходят в стаю и умирают, как клетки организма.

«Стая» больше, чем я, она сложнее особи и потому с ней бороться труднее. Стая – это, например, классическая модель уличной банды.

Это целое живет иначе, оно имеет другое поведение, чем «я»-особь. И что интересно, оно возникает и распадается, имеет срок жизни. Интересно, какой именно?

По принципу, стая практически бессмертна. Это инвариант.

А вот после смерти стаи ничего не остается? Откуда приходит и куда уходит «психическое целое» стаи? На этот вопрос специалисты отвечают невразумительно, а зря: все стаи имеют нечто общее, инвариантное. И его хорошо бы зафиксировать. Надо только указать настоящее место жительства этого невидимого существа. И понять, что за воля им руководит.

«Временное психическое целое» и волевой заряд – признаки эгрегора.

«Стая» постоянно возобновляются при наличии подходящих условий. Это явно инвариант некоего второго уровня организованности после особи-организма. Первый из невидимых организмов, возникающих на основе «принципа кооперации» и «закона специализации».

Если пойти от стаи к особи, можно разложить «целое стаи» на функции. Стая задает отпечаток функции на особи. Особь при этом – та же клетка в организме, теряет свою универсальность и живет как функционально специализированная. Ей остается только размышлять о ее особой миссии в стае. А главное – беззаветно любить стаю.

Как и человеку – любить надо все, что выше тебя. Это всегда окупается.

Так стоит ли искать смысл жизни клетки в ее всесторонности? Если клетка «мыслит», то в их среде тоже должен быть свой и Руссо, и сказка о золотом веке, когда все клетки были свободны и не несли на себе чужих (верхних) функций. Отпечатанная на особи, функция управляет поведением особи сверху.

Но каким именно образом «программа стаи» управляет поведением входящей в нее особи? Ясно только, что происходит это достаточно простым способом, переводящим в «автомат» неизменную стабильную программу.

У любой стаи тоже есть свое место в чем-то большем. Есть взаимодействие между стаями. И, в пределе, своя миссия в биосфере.

Но какой это автомат? Где находится он сам?

* * *

Если вопрос ставить так, то должна быть надсистема и для этого особого мира. И там следует искать объяснение этих проявлений. Стая и популяция живут как уровневые программы, они реагируют на мир в некоторых границах, они модифицируются до неких границ, содержащихся в их программах.

Это инвариантные образования. Но автоматы ли это? Назовем их надсистемными программами-автоматами (по отношению к биологической особи). Предположим, это и есть первый уровень эгрегориальных образований.

Поле + белково-нуклеотидное живое вещество? Эгрегор как поле? А что это объясняет? Это объясняет, что в надсистеме у биосферы есть новая полевая конструкция.

Биологически мы являемся частью «автоматов» нескольких более высоких, чем мы, уровней. Даже не очень важно пока, каких именно – иерархию построить недолго. Понятно, что от стаи до биосферы расположены уровни весьма сложной иерархии, где можно найти набор программ из разряда «стая-биосфера».

Но важно, что эти надсистемные автоматы – эгрегориальные. И формы воздействия этих биологических эгрегориальных программ на живую особь пока что скрыты от нас.

Каким путем программа стаи и популяции руководит моими действиями? Именно это и есть самое важное.

* * *

Протоэгрегоры рождаются на биоуровне. Мы видим здесь управление поведением живых особей на уровне таких групп, как популяция и стая. Оно сохраняется и у людей, причем усложняется: генетика человеческой популяции это одно, а этногенез – уже совсем другое. Уровни разные и их больше, чем в самом сложном живом.

Проблема прото-эгрегоров в животном мире выражается в том, что управление поведением со стороны эгрегоров есть и там. Обнаружены две сигнальные системы в живом – функциональный отклик на это.

Получается, что живой организм содержит иерархический пакет программ. И он же – генетический.

6.2. Программы общества

Пока мы говорили о том, что есть не только у человека, но и у высших животных. Высшие животные напичканы автоматическими программами надсистемного и подсистемного типов. И потому иногда их рассматривают как сложные живые автоматы. Но мы не склонны утверждать, что животные представляют собой просто автоматы. Эта проблема активно дебатировалась в последней трети XIX века и она далека от решения.

Ч. Дарвин («Происхождение человека», 1871) утверждал, что «животные обладают определенной способностью к рассудочной деятельности» и что «разница между психикой человека и психикой высших животных, как бы ни была она велика, – это, конечно, разница в степени, а не в качестве». У ученика Дарвина Д. Романеса («Ум животных», 1882) интеллект животных был даже преувеличен.

Эта книга привела к оппозиции Л. Моргана, из которой потом родился бихевиоризм в психологии животных. Морган («Введение в сравнительную психологию», 1894) предположил, что *способности более высокого порядка развиваются на основе более примитивных* и предложил психологическую шкалу психических способностей. Как видите, речь снова идет о переходных формах, но сегодня эта точка зрения Моргана в психологии отвергается.

Использование орудий также не есть показатель наличия интеллекта. Если раньше считали, что только человек создает и использует орудия, то теперь мы знаем, что этой способностью обладают многие виды животных. Кстати, по мере того как увеличиваются наши знания о поведении животных, отличий между человеком и животными фиксируется все меньше.

Но некоторые особенности людей у животных не обнаруживаются. Например, язык – это чуть ли не единственная черта, выделяющая нас из мира животных. Язык обеспечивает коммуникацию в общностях людей. Рассматривая стаю, обнаружили в ней только один тип коммуникации – невербальный. Поскольку вербальный тип коммуникации, рационально

обеспеченный, требует участия Разума. И нужен он прежде всего для порождения машины цивилизации. Язык породит цивилизацию.

Тогда возникает вопрос: а как же культура? Как ни парадоксально, культура продолжает использовать преимущественно невербальные каналы.

Одновременно с возникновением *Homo sapiens* включилась программа следующего уровня сложности. Эта программа, что очевидно, располагается за пределами всей совокупности программ биосферы. В другом субстрате.

Ее характеризуют как *социокультурную + социотехническую* связку.

* * *

Общественные программы реализуются как способы организованности в новое целое – общество. Тут множество уровней и форм, но ракурс один – организованность людей в общество. Все это достаточно просто изложил когда-то П. Сорокин в своем общедоступном учебнике социологии 1918 года.

До определенного момента историю можно трактовать в естественном зале, в Е-рамке. В ней «человеческий социум» является результатом очень развитой разновидности программ из разряда «стая-биосфера». Этот подход частично реализован и в «этногенетической истории» Л.Н. Гумилева.

Чтобы оперировать этногенезом, надо отличить «этнос» и «общество». И обратное: установить их взаимосвязь. Этнос управляется биосферой и в этом смысле его жизнь предстает как «естественный цикл». Нельзя положить сюда цели людей, они на этногенез пока не действуют. Хотя некоторые современные манипуляции с потоком «оранжевых революций» показывают, что политики научились использовать энергетику этногенеза.

История общества управляется из другой надсистемы – из ментосферы. Ментосфера, как мы уже предположили, надстраивается над биосферой. И тогда она должна своей энергетикой наполнять некие «социальные монады», а уже не этносы. Соотношение биосферной энергии, воздействующей на этносы, и ментальной энергетики, воздействующей на устойчивые общности людей и социальные монады пока неясно. Ясна только разница уровней и генетическая последовательность: биос раньше, ментос позже.

6.2.1. Социокультурная программа

Культура есть проявленная программа нового уровня. Культура – это посредник ментала, проводник, реализующий ментальную программу в человеческом социуме. Про отношение ее к технике мы поговорим особо.

Менталитет

Ментал – это особая новая программа. Она, как и все предшествующие уровневые биологические программы, содержится в некой особой локализации. В обществе она проявляется как *менталитет*.

Менталитет по отношению к человеку есть нечто «надсистемное», что управляет моими действиями на уровне подсознания, социокультурно программирует меня через сферу значений и смыслов (вселенная смыслов, по П.А. Сорокину). Это «ценности», «мотивы», «потребности» (см. А. Маслоу). Как только я осуществляю выбор в социуме, эта программа тут же срабатывает. Тем самым, она руководит моим социальным поведением прямым образом.

Две программы культуры

Динамическое ядро общества – деятельность. А каков ее актуальный срез в паре *человеческий социум – технический социум*? Это управляющая программа. Но в ней просматриваются два типа.

Ментальная программа, воздействующая на человеческий социум

Актуально скрепляют организованности из людей “коллективные установки” – ментальные программы. Они проявлены как цели людей и разделяемые ими ценности (посаженные на них ценности).

Мы развели программирующую нас сферу (ценностно-мотивационно-установочную) на основные понятия. И возникла вполне сносная упорядоченность, позволяющая по крайней мере точно развести аксиологические понятия:

Рис. 13. Основные понятия аксиологической сферы.

Мы развели в надсистеме ноосферу и ментосферу. Если пользоваться компьютерной аналогией, ноосфера содержит “базы данных”, а ментосфера – блок программ. Собственно, ментосфера и реализует свои программы за счет культурной коммуникации и сетевой организованности людей в общество. На материале уникального “биокомпьютера” человеческого мозга, который ничем от мозга обезьяны морфологически вроде бы не отличается.

Отличие можно обнаружить в другом: в функциональной асимметрии мозга. Про это много написано, но теперь мне понятно, откуда что происходит: так в человеке проявлено старое *ментосферное полушарие* (ЛП) и новое *ноосферное полушарие* (ПП).

«Исследователи мозга утверждают, что сознательно человек использует не более 4% ресурса мозга», и хотя это никем не было доказано, примем за основу. Что касается ментосферы, то она работает на нашем бессознательном уровне и использует все остальное “дисковое пространство” наших непрерывно работающих живых “винчестеров”. Может быть, это не только наша земная ментосфера, поскольку мир должен быть иерархичен и здесь. Эта гипотеза открывает нам то, что древние всегда знали: в нас заложена вся вселенная, и мы можем в потенциале освоить ее, открывая в себе. Но тут как в советском анекдоте: – Я имею право? – Имеете. – А я могу? – Нет, не можете.

Барьером для вхождения в запретную для нас область бессознательного является Духовный уровень личности. Если он есть – вселенная ваша!

Вторичная ментальная программа

Программа технической системы, создающая технический социум

Актуально скрепляют машины из технических устройств алгоритмы работы, существующие в управляющей программе.

В эволюции мы наблюдаем, что происходит выстраивание поверх первичной ментальной программы – вторичной. Так появляются организации, деятельность и техника.

Техническое устройство социальной организации не сводится к чистому конструктиву, к проекту, как в технике. Идею и конструкт цивилизации нельзя украсть, перенести, воплотить в точности “как было”. Внедрение модифицирует первичный эгрегор.

Есть опубликованные работы про “архетипы в эгрегорах”. Судя по ним, все эгрегоры уже модифицированы, а я утверждаю иное. Их все так же – два кольца. Хотя диффузия очевидно есть.

Интересно посмотреть, как человеческие эгрегоры первого уровня связаны с миром живого, с биосферным эгрегором. Видимо, про это и писал Л.Н. Гумилев.

Можно предположить, что всякий раз для новой цивилизации возникает ее особый «эгрегор», проводящий в жизнь ее особый «менталитет» – это связанность цивилизации и культуры, эгрегор прямого действия.

Для нижних уровней управления человеком есть уже упоминавшиеся программы-автоматы. Там и выбора-то как такового нет: таковы например витальные потребности, реализуемые как инстинкты. Мы автоматически хотим питаться и размножаться, нуждаемся в безопасности. Так же действуют стайно-биосферные программы: мы автоматически тяготеем к групповому образу жизни. Это уже вписано в систему наших витальных потребностей.

Ментальное управление на уровнях выше цивилизаций порождают средневековое и «азиатское» устройство социума, оно же «соборное» и

«общинное». Кстати, самое распространенное в цивилизационной истории. Проблема «общины и общества», рассмотренная в конце 19 века немецкими учеными, на самом деле сводится к проблеме естественно-органической и искусственно-технической форм организации социума.

Человек предстает в этом свете как многоуровнево программируемая биологическая особь. Выделяют многочисленные слои программ этого сложного существа. Тут снова-таки ничего нового, если удерживать натуральную точку зрения. Но нам она уже ни к чему. Поскольку нас интересует не столько «человек», сколько тот надсистемный и внебиологический уровень, который человеку не принадлежит.

В натуральном подходе такой объект исследования отсутствует. Его нет в Природе. Но только в той Природе, которая познана нами – в классическом естествознании. Если мы внесем сюда наши рассуждения и гипотезы, естествознание продолжится в сторону обществознания. От веполя – к орэгру.

Менталитет проявляется как эгрегор, живущий на биотическом материале. Отсюда биосоциальность человека. Отличие «стайности-биосферности» от «социальности» здесь, конечно же, качественное. Но в обоих случаях – биологическом и социальном – явления эти однородные, поскольку их объединяет нечто общее – эгрегор.

* * *

Тогда что есть культура? Каковы ее особые признаки?

Ментальность, живущая на биотическом материале, известна нам как протоэгрегориальные программы биологического мира.

В случае с культурой сеть этих программ многократно ветвится и усложняется, но принципиально не меняется. Воздействие всегда идет непосредственно на человека и только в одном диапазоне, в котором живут Дух и Душа человека. Ментальная программа влияет на поведение человека через этический и эстетический контуры. В аксиологии это калокагатическая пара «Добро и Красота».

Главное: это влияние возможно помимо технических средств. За счет прямого действия эгрегоров многих уровней. Это особенно хорошо понимают все, кто продуцируют или генерируют новое в культуре. Эти люди – медиумы, вне зависимости от того, писатели они, художники, моральные проповедники или даже ученые и изобретатели. Они либо улавливают дух своего времени, его стиль, его потребности, либо остаются забытыми неудачниками.

В социуме эту программу реализуют, прежде всего, институты управления, отвечающие за этику (мораль и нравственность) и искусство. Если следовать П. Сорокину, культура есть сфера ценностей и значений. Это в точности совпадает со сферой действия ментальной программы. Мы очень подробно разворачиваем эти темы в третьей главе «Ментосферы»

Но среди ценностей есть еще одна пара – ценности Истины и Пользы. Это техническая пара, поскольку только с симбиозе идеального (познания) и материального (производства) становится возможен «технический социум». Недаром его сейчас называют НТП – научно-технический прогресс.

Пара ценности Истины и Пользы имеет, как минимум, два уровня связанности:

Рис. 14. Содержание понятия «технический социум».

Идея моя такова, и я повторяю ее снова и снова: верхняя оболочка Геи – ноосфера имеет прямое отношение к технической эволюции. Сопоставьте пару «Истина – Польза» и пару «Ноосфера – Техносфера». И вы увидите, что это одно и то же.

Программа развертывания техносферы содержится в Ноосфере.

Парадокс состоит в том, что «технический социум» разворачивается как продукт деятельности «человеческого социума».

Культура и техника

Один из главных признаков культуры состоит в том, что она проявлена вне нас. То, что было в живом мире непроявленным или проявленным через биологическую коммуникацию (например, через язык запахов, язык звуков или жестов), здесь существует «вовне» человека и в форме культурной коммуникации. Конечно, существует это посредством живого, его усилиями.

Возникла двухуровневость, ранее не бывшая в эволюции.

Второй признак культуры – «опредмеченность» ее артефактов.

Но и это отнюдь не главный сущностный признак культуры. Ритуал и традиция – поначалу внепредметные образования. И очень долго культурные программы хранились непосредственно в человеке (фольклорная и мифологическая линии) и воспроизводились только им самим. Человек подменял собой множество технических устройств огромный период первобытности. Антропологические и культурологические экспедиции XIX-XX веков упоенно изучали и экстраполировали на современность незнакомую первобытную культуру. А там еще практически нет «техники».

То же можно сказать по поводу культов и начал религии. Недаром П. Флоренский сводил происхождение культуры именно к «культу». Социология религии и социология культуры слишком функционализировали эту проблематику.

В обратной экстраполяции можно признать, что человек в ранних культурах сам выступал в качестве технического устройства, как и в раннем материальном производстве («рабы есть говорящие орудия»). И как только человек смог снять с себя эту техническую функцию, так тут же и снял. Функция перешла на технические носители, которые все больше усложнялись, а их сфера действия становилась все более массовой. Современные СМИ и глобальные сети довершили этот процесс универсализации техносферы в культурной коммуникации. Это раньше шли годами, а сегодня магазин «Спар» будит вас в 4 утра смс-кой, сообщающей об «обвале цен». Что у вас там все обвалилось, заразы!

Опредмеченность культуры интересна нам совсем по другой причине: когда проявляется эта опредмеченность, вступает в силу программа «технического социума». О ее загадке человеку следует говорить и думать особо. Постольку, поскольку общество содержит как «человеческий», так и «технический» субстрат. Генезис «человеческого социума» изучает социогенетика. Генезис «технического» изучает техногенетика, хотя пока что она делает это только со стороны техники, а не социума.

Взаимоотношения «человеческого социума» и «технического социума» не так однозначны, как рисовал нам прогрессизм Просвещения и тот же марксизм. В XX веке отмечалось не столько освобождение, сколько все большее порабощение человека «техническим социумом».

Сформулируем нашу основную гипотезу из надсистемы: культура в обществе есть технически обеспеченный механизм реализации «ментальной» программы. Это ментальный по содержанию, технический по средствам трансляции *приводной механизм*.

На ментальную программу «человеческого социума» «технический социум» не воздействует – незачем. Технический социум развивается по программе ноосферы. В культуре он является средством, и история культуры (особенно в цивилизационной фазе) неотделима от истории технических средств (от клинописи до книгопечатания и СМИ).

Выскажу одну мысль, некогда поразившую меня. Культура есть социальный эгрегор, живущий сначала на биотическом, а потом и на абиотическом материале, на субстрате техники. Это уже получается некая странная «некрожизнь», где особым промежуточным контуром служат живые люди, производящие и обслуживающие неживую технику.

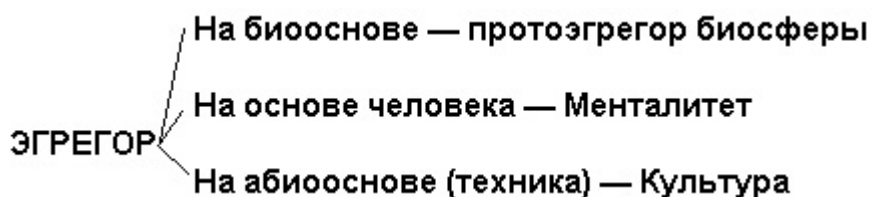

Рис. 15. Основные типы эгрегоров.

Ментальный тип эгрегора на биооснове человека – это сфера прямого действия на человека. Культура есть область непрямого, опосредованного социального действия эгрегора на человека, построенного на технической (био и абио) основе.

Я недаром обращал ваше внимание, что эволюция абиотического и биосоциального – зеркально симметричны. В будущем может наступить их «снятие». И оно уже присутствует как потенция в культуре.

Кстати, если подумать, тут возможна еще более глубинная гипотеза. Ведь мог же существовать «эгрегор» как полевая структура и до появления живого. В потенции – мог, поскольку мы знаем о полях не так уж много. Животные освоили биологические протоэгрегоры, но они не могли запустить эволюцию некрожизни, поскольку трансформировали абиотический материал только по программе своего организма. А вот общество смогло запустить эволюцию некрожизни, в нем включилась программа «технического социума». И тогда «возможны варианты». Другие.

Поле – биополе (клетки – Биосферы) – два эгрегора общества.

Одна из целей истории общества – появление некрожизни и эволюция «технического социума». И в результате люди встали к станкам и начали изобретать технологии в конкурентной гонке. Остается один шаг до появления самопроектирующихся технических систем – и тогда люди становятся фактически не нужны эволюции. Эволюционно «человеческий социум» – это временный контур, предназначенный для запуска более прогрессивной технико-технологической некроэволюции. Для запуска более совершенной «некрожизни», которая не страдает от гибели примитивной углеродной сомы и может менять свою материальную основу. Или уж довести несовершенство человека до состояния киборга, как у С. Лема в его известной радиопьесе.

У «технического социума» есть собственная эволюция, где средством являемся мы, поскольку мы есть средство производства «технического

социума». И удерживать нас в этом качестве может только Общество, в данном случае «человеческий социум», основа которого – ментальная программа прямого действия и культурная программа непрямого действия. Цель общества – порабощение человека для запуска, обслуживания и развертывания эволюционной программы «технического социума».

Технические системы в эволюционном освещении имеют два аспекта, точно так же, как и в биосоциоэволюции. Если смотреть снизу, по Ю.Д. Амирову, можно увидеть процессы селекции (отбора), при помощи которых осуществляется «фильтрация» конкурирующих единиц техники. Б.И. Кудрин вводит для этого свой аналог «закона естественного отбора» для техноэволюции – это информационный отбор.

Если смотреть сверху, по Амирову, мы обнаруживаем:

- функцию «проектирования», которое обеспечивает наследования для «технического социума» (формирует его «память»),
- функцию формирования «программ» развития,
- функцию формирования программ реализации техносистем в их жизненном цикле.

В техногенетике Б.И. Кудрина мы видим развитый техноэволюционизм, почти что параллельный по методологическому аппарату с биогенетикой и биоэволюционизмом. Здесь фигурируют *техноценоз, популяции техники, генотип и фенотип техносистем* и т.п.

Главный контур генерирования «технического социума» строится на связке Истины и Пользы, а ментальный контур «человеческого социума», как мы помним, – на связке Добра и Красоты.

Таким образом, в природе появляется конкурент (?) Биосферы, частью которой мы являемся – техносфера. И «ноосфера» есть то, что обеспечивает техносферу. А может даже и генерирует.

Вот эти две линии:

Действительность	Реальность
НОО	ТЕХНО (абио)
МЕНТО	БИО (био)

Рис. 16. Основные сферы.

Отсюда состав общества, его ресурсоспектр.

ПАРА: Антропос и Технос («человеческий социум» + «технический социум»).

ЕДИНИЦЫ: Человек и Машина

Если исключить ментосферу, оставив только биосферу и ноосферу, человек исчезает. Остается эволюция машин посредством человека.

Правда есть еще один вариант, мы его упоминали и он сейчас активно реализуется в развитом мире. Это «кентавр-системы» – сращивание, сжатие человеко-машинных систем в киборгов. Техника, бывшая до того вне нас, все больше входит в тело человека и захватывает его. Внедренные чипы и чуть ли не компьютерные порты из «Матрицы» возникают на основе конкуренции. И выбора нет, нам говорят, что киборги лучше стреляют, быстрее считают ходы и т.д. Ну и что, скоро они просто заменят собой людей как архаическую конструкцию, а потом киборгов сменит некрожизнь?

Это, скорее всего, примитивная точка зрения. На самом деле Природа, как рачительная хозяйка, решила использовать оба материала вместе, дополняя одно другим. И тем увеличила сложность системы, то есть, поступила эволюционно. Есть такая точка зрения, что техника восполняет недостаточности и ограничения человека. И последние фильмы типа «Аватара» доказывают, что тут есть куда развиваться. Но это – антропоцентризм. Между тем наш мир все более техноцентричен, и это всерьез настораживает.

Если тело человека является препятствием для развития эволюции, можно не сомневаться, что оно эволюционирует. И может, мы неверно трактуем «по образу и подобию», и вскоре узнаем нечто более глубинное.

6.2.2. Социотехническая программа

Вторая форма организованности людей не просто социальная, а еще и социотехническая. Назовем ее «цивилизацией», чтобы отличить от «культуры». В этом есть свой резон – перед нами действительно нечто разное, накрытое понятием «общество». Предположим, что цель ментальной программы – выращивание из популяции человек Человечества. Таков предполагаемый итог истории.

И пока к этому нас могут привести две равноправные точки зрения. Анархизм призывает устранить насилие государства над человеком путем не очень ясной пока новой кооперации людей. Возможно, это будет сетевое гражданское общество. Но история пока придерживается иерархической организованности, неизменно приводящей к цивилизации.

Человечество больше цивилизаций не на один уровень, а на несколько.

Когда я говорю о Человечестве, речь в любом случае идет о завершенной единице следующего уровня, единице с новыми свойствами, живущем в ином, чем мы, хронотопическом масштабе. Это явление планетарное, как и биосфера. И теперь понятно, почему сразу после биосферы В.И. Вернадским введено понятие «ноосферы». Цивилизация есть машина, а ноосфера – программа запуска этих машин и их популяции в целом в истории.

Если мы посмотрим на популяцию человеческого рода в первоначальный период, то вид «*Homo sapiens*» не демонстрирует никаких признаков единства. Менее всего здесь можно говорить о признаках человечества. Напротив, единство происхождения в антропогенезе превращается в разнообразие расовых и прочих отличий.

Первобытный способ жизни был для цивилизованной античности «дикостью». Но и нецивилизованная первобытность – это какой-никакой способ организованности людей в «человеческий социум». Это ему предшествует дикость как досоциальность, где способы организованности – еще из биологического мира. Есть между ними переход, нет – не известно.

В первобытной фазе «социальность» иногда выводят из биологических «стайных» программ. Родовая община, фратрии и т.п., вплоть до неолитических переходных форм «военной демократии» как организованности частично похожи на «стайные» эгрегоры, но в них уже есть механизмы культуры. Хотя в целом по способам организации человеческого социума эти формы кажутся нам достаточно простыми, на самом деле они уже гораздо сложнее, и они уже другие по основе, чем стайные. Хочется сказать, что это пока смешанные, переходные формы от способов *естественной* биологической организованности к способу организованности в «цивилизацию» – *искусственному*. Но для такого утверждения нужен серьезный фактический материал. Поэтому пишу – похоже, что так, но точно не знаю.

Между тем провалившиеся попытки найти переходные биологические формы склоняют скорее к идее, что таких форм нет. Есть скачки качества и один из них – цивилизационный: возникновение поверх социокультурной организованности машины цивилизации. С самого начала «цивилизованности» можно увидеть коренное отличие ее форм организации от форм организации живого и первобытного социокультурного.

Государство, город, *гражданский* – вот основа значений латинского термина «цивилис».

В системном плане для нас важнее всего, что это особая целостность.

Цивилизация есть новый вид хронотопического целого. Топическая граница теперь задается «государством». Но государство, как хорошо видно в теориях геополитики, двухслойное: это локальный топос земли и люди, объединенные сначала культурно, а затем и машинно, мегамашинной цивилизации.

Государству нужны духовная и светская власть, за которыми стоит объединяющая пара: культурная и машинная, сакральная идеология и светское управление. Эти две ветки были и в первобытности: жрец (шаман) и вождь. По сути, речь идет о формировании единого института власти внутри

общества. Власть состоит из духовной и светской ветвей, и они поначалу в цивилизации неразделимы: фараон есть верховный жрец и светский правитель в одном лице. Отсюда божественность высшей власти, венчания на царство и т.д.

Параллельно с появлением цивилизации возникает и новая социокультурная программа. Вот только разное по уровням: культура античности с ее единым менталитетом и картиной мира – это **формационное** явление, а цивилизационные машины приходят на арену и уходят с арены культурной формации, сменяя друг друга. А ментал – один.

Культурная идеология удерживает «картину мира» и это – главная функция духовной власти, на первых порах связанная исключительно с религией, мифом и магией. Функция идеологической власти – определять и удерживать ценности, выражая их в светском виде как нормы этики (мораль и нравственность), поведения и т.д. Этика управляет волей гражданина, его Духом. Наконец, искусство овладевает Душой гражданина, и потому искусство всегда выступает инструментом духовной власти. Канон, стиль и мода – это опять-таки нормативная оформленность этой сферы. Таким образом, духовная власть ставит на службу себе и потом государству Дух и Душу его граждан.

Светская власть формальна, она осуществляет внешнюю и внутреннюю политику государства. Она должна, как минимум, удерживать топические границы цивилизации снаружи – и потому ей нужна армия. Кроме того светская власть должна удерживать «человеческий социум» как целое изнутри цивилизации, а это немыслимо без общих для всех норм права и аппарата полиции (внутренние войска). Еще Сократ-Платон-Аристотель определили основные формы власти – от автократии до охлократии. Они же раскрыли простейший циклический инвариант их существования, сценарий их связанности этих форм в цикл.

Цивилизации, конечно же, нужен общий язык для всех ее граждан (или язык межэтнической коммуникации). Кстати, он был и в первобытных сообществах. Нередко в этом качестве выступал язык завоевателей.

Важнейший признак цивилизации – появление нового типа коммуникации, это рациональный по основе тип. Слово, письменность – запись слов, число и счет – запись счета цифрами. В обоих случаях речь идет о способах технической фиксации вербального канала коммуникации.

Кроме того, возникает «рабочий хронотоп» культурной коммуникации: топический язык цивилизации (геометрия, карты и т.п.) и ее хроно-язык (календари, зодиак, способы записи истории и т.п.). Вместе с искусством эти новые языки фиксации и трансляции ментального содержания культуры изменили мир.

Главное: с внешней фиксацией возникает вторая программа наследования. Это социальное наследование через культуру. Она качественно иная и единственно новая после биологической, обеспечивающей (по Т.Г. Моргану) «материальную непрерывность». И главное для нас – она внебиологическая, то есть – техническая.

* * *

Цивилизация – это также многоуровневая форма организации «человеческого социума» по признаку специализации. Как правило, поначалу это иерархия с функциональными уровнями: двойной контур управления, примыкающие к ним армия и полиция, торговцы, ремесленники (отделение земледелия от ремесла), крестьяне, рабы.

Правители, жрецы, писцы и архитекторы – образованная элита первых цивилизаций. Если добавить к этому ремесленников и торговцев, в принципе получим функциональный состав города. Отделение города от деревни – основной признак цивилизации, по О. Шпенглеру.

В цивилизации работает принцип иерархической вложенности: цивилизация поначалу есть большая «стая», состоящая из стай поменьше, которые состоят из стай еще меньше и т.д. Это тоже иерархия, но в ней

важнее акцент самозавершенности, «эгрегориальной накрытости» каждого уровня. Этот подход вместе с первым порождает касты, сословия и классы. Они дифференцируют общий менталитет. Появляется ментальность касты, эти ментальности сталкиваются, воплощаясь в людях – и это одна из главных тем мировой литературы. И исторической литературы, в том числе.

Топический организм государства, объединенный единством культуры – основная статическая гипотеза *геополитики*. Хотя речь должна идти о топическом организме государства, накрытого «эгрегором», проводящим в жизнь менталитет данной цивилизации. Такое понимание есть у Карла Шмита: «социально-политические формы и государственные образования коренятся не в механическом функционировании атомарных личностей, соединенных в математические конгломераты, но в мифологии, в сакральном мире стихий и духов». Здесь нет гипотезы эгрегоров, но он стоит рядом с ней.

Что касается динамики, то геополитика, возникшая во время расцвета биологии, воспользовалась аналогией государства и живого организма. Отсюда идея цикла жизни государства-организма и потребность в экспансии этого молодого растущего организма. Сколько войн оправдала эта гипотеза!

Кстати, если уж использовать биологические аналогии, не следует останавливаться на организме. Тут появляется своя таксономическая лестница, своя топическая иерархия, где уровни большего масштаба. Политические коалиции государств, образование и распад империй и т.п. – скорее это предмет истории.

Политика смешивается с идеологией и менталитетом и влияет на топику и динамику. «Католический мир» – некий особый вид соединения государств, постоянно воюющий с «исламским миром». Хотя пока что во всей истории, например, Евразии ничего, кроме четырех топических цивилизационных ядер, мы не обнаружили.

Интересно, что является здесь «популяцией». А что если человечество – популяция государств, а не людей. Ведь люди – всего лишь клетки цивилизационного организма.

При описании снаружи органические аналогии приемлемы для большей части истории. А как устроена цивилизация внутри? Какие модели работают здесь?

Цивилизация с позиций управления

Вико недаром выделяет первую фазу истории народов как власть жрецов без государства. Собственно, то же самое говорит и Сорокин: сначала идея, а это прерогатива духовной власти, культуры. Для начала надо задать картину миру. Это духовное или культурное основание под цивилизацию.

Цивилизация, как государство и как город, почти разрушает контуры первобытного управления. Она отодвигает от себя и подчиняет себе деревенский способ жизни, во многом органический, управляемый менталитетом. Но что такое сама цивилизация с позиций управления?

Цивилизация управляется технически, и все ее механизмы – искусственные. Это позволяет говорить о следующей гипотезе: цивилизация вообще может рассматриваться как технология, как техническое устройство, соединяющее людей в «человеческий социум».

М. Мемфорд одним из первых описал историю из этого ракурса, для чего ввел понятие «мегамашина». Цивилизация и есть гигантская (мега) машина из людей. Это понятие, действительно, очень неплохо работает для трактовки сути древних цивилизаций. Хотя важно, что возникло оно в момент расцвета техники и идеологии техницизма.

От него идет целый ряд усложняющихся способов технической трактовки социальной организованности. Последней в этом ряду стало общество как «семиотическая машина». Современная «информационная цивилизация» трактуется, в том числе, как глобальная семиотическая машина.

Отсюда вывод: цивилизация вообще есть «машина» (техническое устройство), цивилизация есть технология, соединяющая людей в «человеческий социум».

Такая простая машинная фиксация сути цивилизации не ведет никуда. Здесь надо поставить вопрос: а каковы цели ее эволюции? Поэтому мы идем в своих выводах дальше и выдвигаем следующую гипотезу.

Цивилизация управляется программой развертывания «технического социума», которая содержится в Ноосфере. Цивилизация есть наложение программы развертывания «технического социума» на «человеческий социум». О целях следует поговорить отдельно.

Поэтому государство снаружи – это «топический организм» с ментальной программой, цивилизация изнутри – это машина, работающая по программе ноосферы.

В Новом времени эту цивилизационную машину попытались полностью перевести на рельсы Разума, а значит – рационально технологизировать. Основные идеи для новой технологии устройства общества были изобретены философами в Европе. Но наибольших успехов в ее реализации добились лидеры индустриальной цивилизации, лишенные европейского «груза прошлого» – США. Они реализовали эти чужие идеи инженерно, воплотив их в конструкцию своей Конституции, которой страшно гордятся. Неявное стало явным в начале XX века, когда теоретически оформился американский прагматизм и возникли проектировщики и менеджеры. Органическое поведение американской цивилизации во внешней среде на этом почти прекращается и заменяется на спроектированное. Таким образом, происходит почти полное переключение управления этой цивилизацией-государством с ментальной программы на ноосферно-техническую.

У этого процесса есть естественный предел: или поглощение, или синтез в чем-то новом. Поглощение техникой ментала пока кажется невероятным. А вот синтез – не хватает фантазии вообразить его?

ЧАСТЬ 7. ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА В ОСНОВНЫХ СХЕМАХ

Начнем со статики.

Напомню: модель общественной статики основывается у нас на системном и деятельностном подходах. Общество системно, поэтому в нем обнаруживается целое, состав и структура. Второй исходный постулат: общество есть деятельность. Мы говорим общество, подразумеваем деятельность, и т.д. Деятельность присуща только людям и происходит только в обществе. У деятельности есть и такой признак, как «инструментальный характер»: деятельность всегда *связывает людей и технику*. И это первая сущностная Дуада, характеризующая общество.

7.1. Надсистема и подсистема общества

Если посмотреть структурно и *иерархически*, мы обнаружим, что деятельность людей задана им *извне, из надсистемы*. И это так, поскольку она а) целесообразна (*цель*) и б) обеспечена мотивом (*ценность*).

Цели, хоть они и формализуются людьми, не принадлежат им. Все цели исходят из общества (деятельности). Высшим источником целей является *ноосфера* (разум). Таким образом, цели имеют искусственное происхождение, в противоположность всем «естественным» регуляторам человеческого поведения (и предваряющего их эволюционно поведения животных).

Источником всех проявлений мотивации (ценности, потребности, установки и т.д.) является *ментосфера*. Если цели – сознательный регулятор деятельности, то исходящая из ментосферы мотивация есть бессознательный регулятор деятельности и поведения людей.

Мы обнаруживаем в деятельности два обязательных контура управления деятельностью, отсюда цели и ценности. Это вторая сущностная Дуада, характеризующая общество. Ее место сверху на системной вертикали.

Теперь перейдем на системный уровень и рассмотрим *состав* общества и способы связывания этого состава в целостность (организованности).

Подсистемы и состав общества

Для осуществления деятельности (целевой, мотивированной и орудийной) общество содержит а) людей (атропосоциум) и б) технику (техносоциум).

Эти две подсистемы общества происходят и берут свой материал из природы. *Абиотическая природа* является основным источником материала для технического социума. *Биотическая природа, биосфера*, является основным источником материала для человеческого социума и частично – для технического.

Деятельность орудийна, причем к орудиям деятельности относятся и материализованная их составляющая, и идеальная составляющая. Это неразрывное единство, проявлением которого является, например, техника и наука. Техника может быть вещественной, энергетической и информационной, но это все обеспечено через материальную проявленность орудий. Сама по себе техника мертва без идеальной составляющей – методов, методик, алгоритмов, способов, технологий деятельности. Ее движет разум.

Понятие «социум» здесь относится только к составу общества. Это человеческий социум (антропосоциум) и технический социум (техносоциум).

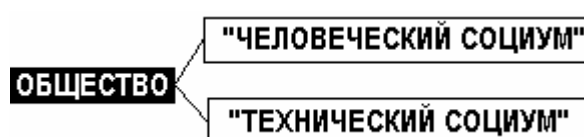

Рис. 17. Два социума в составе общества.

Такова третья сущностная Дуада, характеризующая общество.

7.2. Организованности общества

Люди и техника могут организовываться двумя способами: *культурным и машинным*. Это четвертая сущностная Дуада, характеризующая общество.

Культурная организованность людей первична, ее основанием является сборка людей в социальные *группы* на бессознательном уровне, где происходит управление через мотивацию. Группы как целое обладают либо а) собственным сознанием (и «целями»), либо б) мотивируются программами более высокого уровня, что проявлено нам как трансперсональное «коллективное бессознательное» (К. Юнг, В. Бехтерев, С. Грофф и др.). В целом регулятором, направляющим поведение людей в социальных группах, является *ментосфера* (в узком смысле – психосфера общества). Это понятие, накрывающее огромное количество наблюдаемых проявлений *психической жизни вне человека* и относящееся к группам людей.

Культура в обществе является непрерывно действующим механизмом трансляции установок ментосферы (и поскольку *культура есть механизм*, она безсубстанциальна, а потому культурология не имеет предмета). Этот контур устроен *иррационально*, поскольку мотивация людей в первоначальном виде не имела, да и поныне не имеет, отношения к их разумности. Мотивация есть подсознательное направление, условно говоря, *программирование поведения людей ментосферой*. Это контур, унаследованный от животного мира (стаи, популяции, этносы, биосфера), невзирая на то, что в обществе его действенность обеспечивается культурой. Высшим уровнем мотивационного управления является **менталитет**, в основе которого лежит определенная «картина мира».

Таким образом, генетически этот ментосферный контур и транслирующая его протокультура первичны, являются условием возникновения общества, а все остальное в обществе, включая проявления разума, – вторично. К тому же, связка «ментосфера – культура - менталитет» – это единственный контур, который существует во времени, связан с жизнью нас как биологических особей. В этом смысле данный контур является *естественным*, исходно он не управляется нами сознательно.

Культура есть приводной «механизм» ментосферного контура управления. Через нее ментосфера организует в сообщества человеческого

социум. И только потом, через человека общественного, культура обеспечивает и особую организованность технического социума.

Антропология XX века, особенно полевые исследования, хорошо продемонстрировали, что дотехническая протокультура достаточно самостоятельна и очень устойчива. Выработанные там механизмы традиций и ритуалов настолько действенны по сей день, что в теории организаций приходится вводить такой раздел как «организационная культура». Дизайн, приар, брендинг – это все продолжение этой линии.

Машинный способ организации распространяется и на технику, и на людей. Понятие «машина» трактуется нами достаточно широко.

Мы выделяем 4 типа машин:

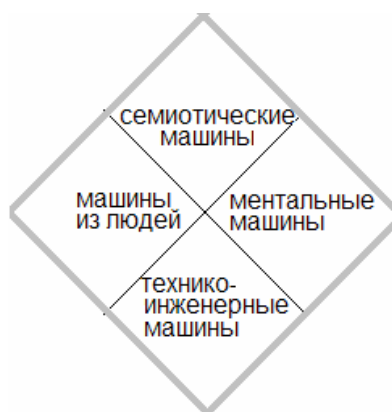

Рис. 18. Четыре типа машин.

Предельно большая машина из технико-инженерных машин – это техносфера. Семиотические машины связаны с ноосферой. Ментальные машины – с ментосферой (и они пока только-только осознаются). Остается совокупность *машин из людей*, которую в технократической картине мира и отождествляют с обществом. Например, у социолога Л. Мемфорда («Миф мегамашин») машины из людей – это социальная организация, которая изобретается, т.е. является искусственной. На той же технократической платформе написано известное «Социальное конструирование реальности». Такой машинный ракурс имеет право на существование, но он, как мы видим, не покрывает все разнообразие.

В таком ракурсе общество предстает как *машина из людей*. Невидимая машина общества устроена рационально (обеспечена интеллектом, связана с ноосферой) и для ее создания и запуска требуется *искусственный* проект. Примером механизма рационального управления в обществе является право – это регулятор сознательного типа: рационализированные нормы, опирающиеся на машину силового принуждения.

Машины из людей – это *организации*, как они описаны в теории организации (за вычетом всего мотивационного и ценностного, оргкультуры).

Иерархически высший уровень машин из людей – это цивилизация. **Цивилизация** есть машина из людей, организованная на основе искусственного проекта и управляемая рационально. Надсистемным источником такого рационального регулирования машин из людей является, по-видимому, **ноосфера** (сфера разума).

Цивилизация есть предельно большая *машина из людей с рациональным контуром управления*. Такое представление впервые в науке четко определяет суть этого термина. По крайней мере, в истории предшествующих обществ. Наблюдаемое сейчас укрупнение цивилизаций может привести к их вхождению в нечто качественно новое – человечество. Оно иерархически выше, чем цивилизации и пока о нем можно только строить гипотезы. Если цивилизации – это организации, то по поводу человечества я не уверен.

Цивилизация строится поверх функционирующей культуры. При ослаблении роли культуры (например, в колониях при наличии метрополии) очевидна вся машинность цивилизации и ее временность. Машину такого рода можно совеществовать, но она конечна: у нее есть свой цикл жизни. Это хорошо известно в теории организаций.

Примером отмеченной двухслойности общественных образований служит государство: это всегда некий тип цивилизационной машины, наложенный на ранее существовавший природно-культурный слой. Так оно и

рассматривается в моделях геополитики, причем, акценты в истории геополитики меняются снизу вверх (природа – культура – цивилизация). Они, кстати, были обозначены еще у Р. Челлена, который ввел сам термин геополитика.

Следует отметить, что все, что связано с разумом и рациональностью, машинным образом строится поверх иррациональной нижней части (жизни), меняя ее организованность. Поэтому *машину* в самом широком смысле можно определить как способ, при помощи которого разум организует любой материал.

Повторим, что кроме машинной организованности людей в организации в обществе существует машинная же организованность техники в машинные комплексы, пределом которых является **техносфера**. Техносфера и ноосфера взаимосвязаны следующим образом: техносфера есть «тело» ноосферы, ноосфера же есть источник и причина существования техники. Это старая философская пара «дух и материя», образующие в обществе особый контур (известный, например, как научно-технический прогресс, инновационная экономика и т.п.).

Ни ноосфера, ни техносфера прямо не связаны со временем и жизнью, в силу чего они развиваются, только будучи «посажены» на предыдущий контур живого. Это и приводит к образованию естественно-искусственного кентавра – деятельности. В этом симбиозе человек больше не эволюционирует морфологически, он один и тот же во всей истории. Это доказывает, что человек – только материал. Что касается усложняющегося развития, то эволюционируют в истории только машины, все четыре типа, включая техносферу и машины из людей. Что мы и изучаем в традиционной истории: а) изменение орудий (материальных и идеальных, основание экономики) и б) изменение машин из людей (цивилизаций, государств и т.д.).

С нашей точки зрения, машины в истории постепенно подчинили себе ранее существовавший ментосферный иррациональный контур, превратив культуру в механизм трансляции не только первого, но и второго,

рационального, контура. Это контур, обеспечивающий развитие машин (например, научно-технической и цивилизационной линии). Все это хорошо видно при анализе состава транслируемой культуры, в котором есть и иррациональные установки, и рациональные компоненты (знания и умения).

Итого мы имеем две взаимосвязанных **надсистемы общества**: ментосферу и ноосферу. Причем, ноосфера исторически наложена на ранее существовавшую ментосферу (психосферу), отчего исследователям так трудно трактовать архетипы и менталитет.

На основе управляющего воздействия ментосферы и ноосферы обнаруживаются **две организованности в обществе**: а) культурная и б) машинная. Они порождают: а) психически целостные группы и б) организации.

Рис. 19. Две организованности материала в обществе-деятельности.

Человеко-технические системы, основа деятельности, относят к популярным объектам (это целостности, складывающиеся из множества разнородных и относительно автономных единиц, включенных в общие для них процессы).

7.3. Сборочная модель общества

Теперь у нас есть все основания для построения единой модели общества. Вот основные дуальные тезисы, приводящие к нашей модели:

1. Общество есть деятельность.
2. Деятельность связывает *людей и технику*. В силу этого деятельность есть деятельность людей, и она всегда инструментальна.

Деятельность *иррационально мотивирована и обеспечена рационально* (спроектирована и нормирована).

3. Организованностей в обществе две: естественная и искусственная.

Это, соответственно: а) психическая культурная организованность групп на базе менталитета, б) машинная организованность людей в организации, машинная организованность техники в машинные комплексы (техносфера).

Мы видим, что общество-деятельность устроено как кентавр: на два типа материала наложены два типа организованности. Если воспользоваться вложено-кольцевой, или сферной, визуализацией, то на системном уровне общество предстает как единство материала и организованности в виде двух вложенных (наложенных) контуров:

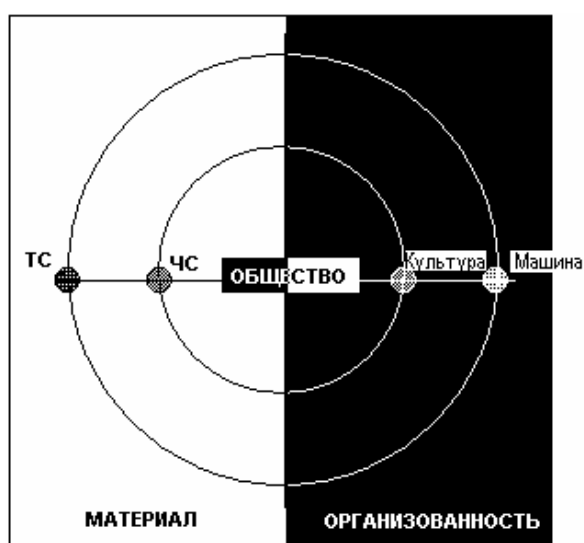

Рис. 20. Общество как двухконтурная организованность материала.

Наложение двух организованностей на два материала порождает четыре возможности (горизонтальное разнообразие системы общества):

Организованность	Цивилизация	Культура
Материал		
Человеческий социум	1	2
Технический социум	3	4

Рис. 21. Наложение двух типов организованности на два типа материала.

Из этой таблицы можно сделать множество выводов и дать бинарные (диалектические) определения всем присутствующим здесь понятиям. Каждая из четырех ячеек матрицы очень важна в теории общества, но нигде ранее это разделение не было представлено с такой ясностью.

Таково горизонтальное разнообразие (на системном уровне). Далее, если ввести надсистемный, а также подсистемный уровни (развернуть системную вертикаль), мы получим базовую схему, итоговую в нашем статическом изложении.

Итоговая схема демонстрирует два контура общества, связывающих как вертикальное, так и горизонтальное разнообразие: иерархию (надсистему, систему и подсистемы) а также развернутый системный уровень (материал – деятельность – организованность).

Рис. 22. Статическая системная модель общества.

Можно обострить саму идею сферной вложенности, и тогда отчетливее становится место общества в иерархии систем-сфер:

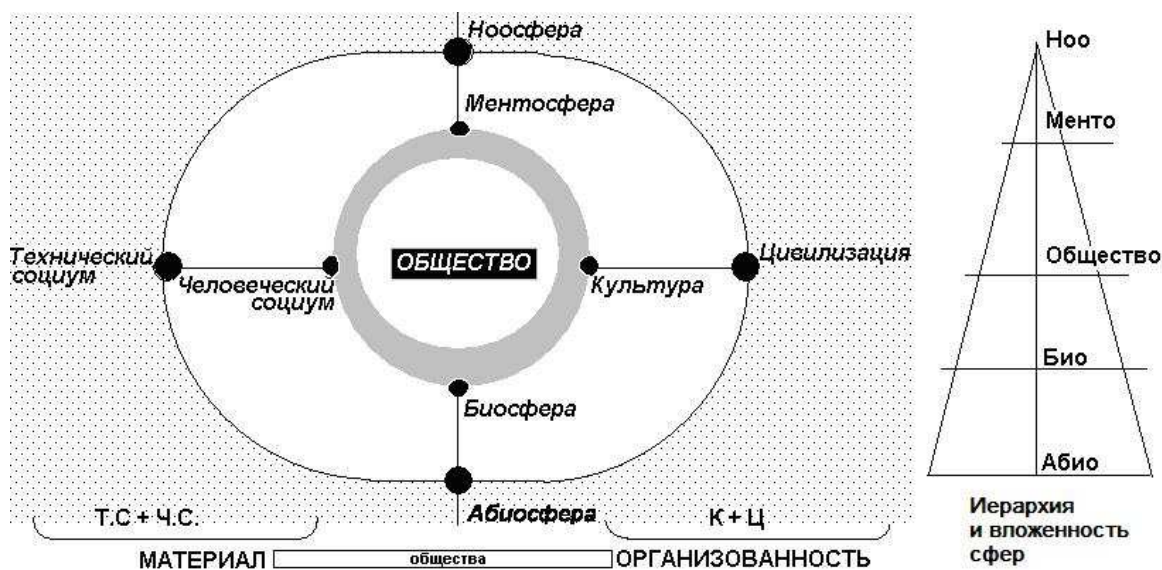

Рис. 23. Место общества в иерархии систем.

Что из этого следует?

Во-первых, очевидно, что интересующее нас «общество» предстает как сборочная конструкция (популяционная система). Сборка эта межуровневая, а раз так, то уровнем выше всегда находится организованность, а уровнем ниже – материал. Остается предположить, что ноосфера (как новая эволюционная *организованность*) использует как свой *материал* всё предыдущее (и ментосферу, и людей, и биосферу, и абисферу). Далее остается рассмотреть парные образования типа «ноосфера, как организованность, посаженная на».

1) **Ноосфера, посаженная на ментосферу** (у которой кроме нас есть еще свой энергетический субстрат) – это гипотеза *эгрегоров*, в ядре которых обнаруживают себя те или иные архетипы. Эгрегоры предстают как энергетические суперорганизмы, живущие поверх всех форм живого (биосферы).

2) **Ноосфера, посаженная на человека** – это столь пестуемый в евротрадиции «разум человека». Это очевидная фикция, поскольку личный разум не существует в человеке вне и помимо общественной (групповой, общечеловеческой) сети разума. Приходится признать, что обществу все равно, кто откроет закон или сделает открытие. Всегда есть дублеры и никто не помнит имен первооткрывателей, если их не пиарят в государственно-политических целях. Николай Кондратьев формулировал это как *закон деперсонализации идей*.

Рассматриваемая популяционная система как целое имеет парадоксальную направленность в истории: ноосферно-технический контур постоянно усиливается и готов поглотить предыдущий ментосферный контур (человек-эгрегор). На пути к этому рационально-техническому порабощению людей остается последний шаг: **создание ментальных машин**. История политики, дизайна, моды и брендинга в XX веке доказывает, что этот процесс идет очень быстро. Манипуляция сознанием – достаточно смешное словосочетание, поскольку «не манипулируемого» сознания у человека

никогда не существовало. Но ранее это была прерогатива неких «естественных» эгрегоров, которые можно привязать в конечном итоге к биосфере и считать ее сознанием (*сознание биосферы*). Если с этой точки зрения рассматривать этногенетическую теорию Л.Н. Гумилева, то она описывает как раз этот контур (биосфера – этнические эгрегоры – люди).

3) Ноосфера, управляющая материалом природы – это техника. Мы в этой сборке выступаем, пусть самыми важными, но посредниками. *Техника* в истории движется по своим этапам (вещественная – энергетическая – информационная), превращаясь в достаточно самозавершенную техносферу. Поскольку она управляется разумом, а разум есть источник всех наших целей, история разумна. И мы, люди, включаясь в этот процесс, приобщаемся к разуму. Ни одна из известных задач и проблем науки не решалась без ориентации на технику (как материальную, так и идеальную), на техническое употребление в машинах (четырёх типов). Тем более, что институт науки финансирует государство и бизнес. А кто платит, тот и музыку заказывает.

Существует и восточная ветка поисков разума вне нас. Но она совпадает с тем, что у нас получается на итоговой модели. Только по отношению к деятельности здесь нужно поставить обратный знак. Недеяние, страдание, уход их системы общественных связей позволяет единице «подключаться» к мировому разуму, минуя общество. Но и это происходит снова-таки технически (техника медитаций и т.д.), т.е. через группы, накапливающие культурный опыт.

На этом пути не наблюдается интенсивного общественного развития в смысле быстрого усложнения структуры общества, как на Западе. И возникает мысль, что это эволюционно резервный тип общества, в котором искусственно поддерживается константная структура. Но и это в теории, поскольку всех уже давно накрыла волна модернизации и все известные традиционные общества на Земле конвергируются, будучи втянутыми в искусственный процесс глобализации-западнизации. Двухэтажный Китай тому пример.

7.4. Основной закон истории

Принцип дополнительности можно применить к любому системному циклу. Как только назначение и качество системы определено, всякое системное исследование начинается с определения *движущего противоречия системы*. Это «батарейка», источник энергии системы для ее жизни во времени.

Универсальный инвариант парности дает нам возможность увидеть наличие дополнительных линий развития на всех интересующих нас уровнях исследования.

Но этот принцип применим и для истории в целом.

Если исходить из Канта, фундаментальной парой, фигурирующей на протяжении всей истории, является «натура – культура" (мир природный и мир человеческий; первая и "вторая природа"; говоря современным языком, «искусственное – естественное»). Во всей истории отношение к ней задавало окрашенность культуры и неповторимую интонацию менталитета – об этом мы написали несколько монографий. Попробуем выразить данную закономерность предельно просто. Даже странно, что никто о ней не написал ранее в столь же простой форме.

История – единый цикл бытия и становления Человечества. В истории в целом происходит постепенный переход доминирования от Естественной доминанты (Е) к Искусственной (И). Общество в любой момент исторического времени есть Е-И конструкция: деятельность – это *естественный* по происхождению человек и *искусственное* орудие. И это две формы организованности: культурная и машинная. Чем ближе к нашему моменту истории, тем больше мир технический, машинно организованный, рациональный доминирует над миром естественным и культурно организованным. Вторая природа победила первую – в самом обществе. В развитых странах в городах живет более 80 процентов населения.

Вот как эта глобальная закономерность отражается в цикле истории:

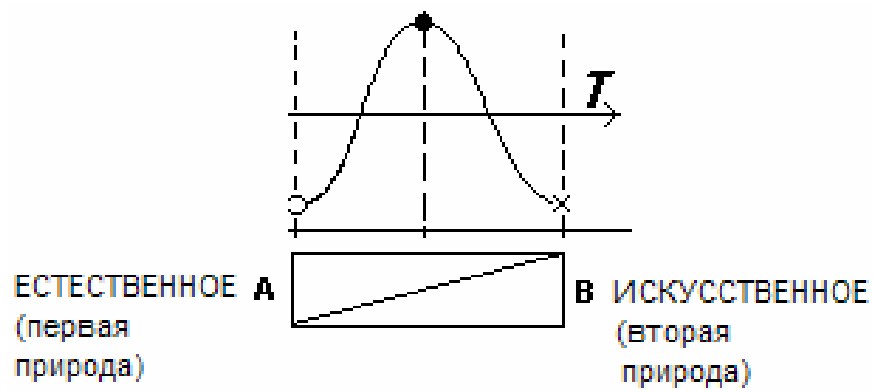

Рис. 24. Основной закон истории на основе парного индикатора Е-И.

Отмеченное выше противоречие двух контуров управления является движущим в нашей истории. И направление его развития очевидно: от доминирования культуры к доминированию цивилизации (о чем писал еще О. Шпенглер, применительно к своим «локальным цивилизациям»).

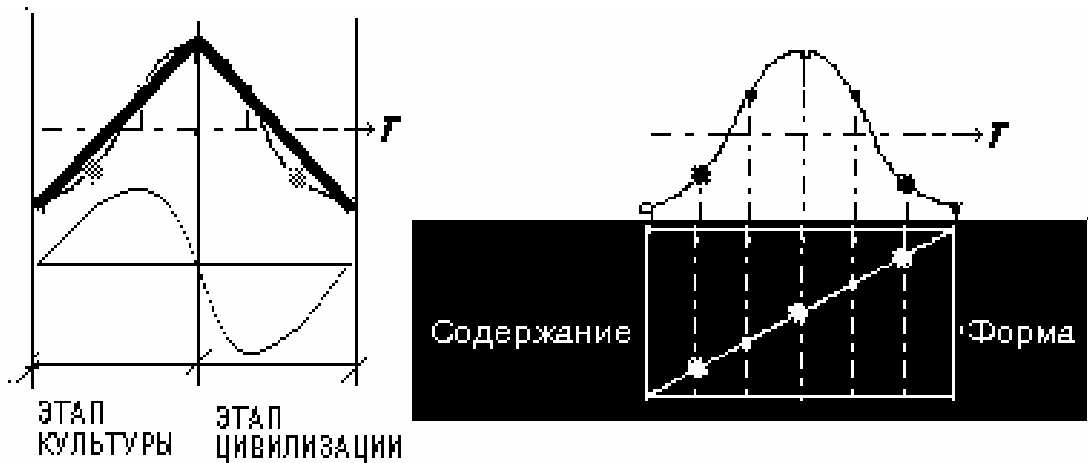

Рис. 25. Характеристика исторического цикла по О. Шпенглеру.

Мы считаем закон движения от иррационального контура управления к рациональному основным законом истории – законом ее **образумления**.

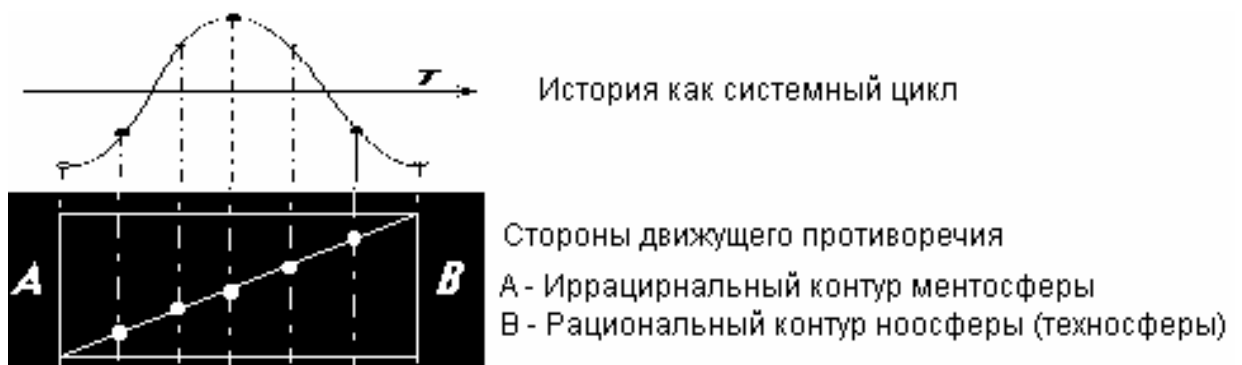

Рис. 26. Основной закон развития общества в цикле его истории.

Единственное существенное уточнение состоит в том, что история – это не цилиндрический цикл, а сходящаяся коническая спираль конвергентного типа:

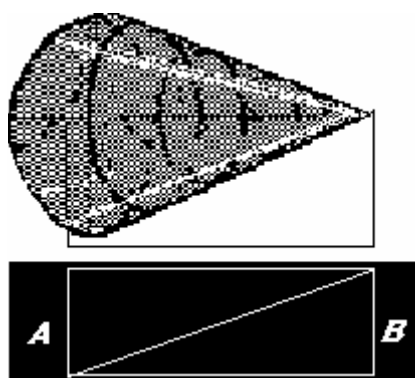

Рис. 27. Конус истории и движущее противоречие истории.

И это вносит в историю такое немаловажное измерение, как *темп*. Этот темп нарастает ближе к «точке Омега». Это видно и по характеру членений больших (формационных) этапов истории:

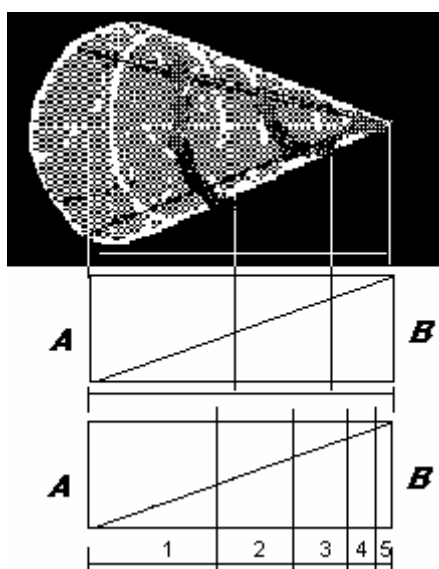

Рис. 28. Сокращение длительности формаций в истории.

История как парность – абсолютно абстрактная схема, которую можно наполнять тематизмами и сопутствующими значениями сколько угодно. Пригодна она для анализа множества аспектных историй.

Но за “историю в целом” берутся редко, что совсем не украшает ученый мир – это его обязанность, функция в обществе. Всех пугает наиболее известный пример – политэкономическая история человечества с точки зрения К. Маркса. Здесь в качестве движущего противоречия высту-

пает пара “производительные силы – производственные отношения”, примененная для обоснования причинности качественных формационных скачков.

Сегодня в качестве альтернативных ракурсов рассматриваются технологические уклады, способы управления и т.п. темы. Но, как мы старались показать, это не причина, а следствие – аспекты устройства общества. Они не отражают его сущности.

А на сущностные вопросы нужно отвечать только сущностно. И это все тот же вопрос: что является движущим противоречием цикла истории в целом? Вопрос весьма волнующий, поскольку мы вплотную подошли к точке Омега и уже смотрим в новое измерение.

История кончается. И спрятать голову в песок уже не получится.

* * *

Закончим мы следующим замечанием.

А. Руссо одним из первых в Новом времени, хотя и не первый в истории, осознал, что наступающая (вместе с культом разума) техническая цивилизация порабощает человека и делает его машиной. И он придумал сказку о «естественном состоянии Человека» до цивилизации, точнее «до Сократа». Вполне очевидно, что его «органическое состояние общества» стоит на «естественном» ментально-эгрегориальном управлении.

Руссо приписывает философскому рационализму то, что на самом деле присуще всякой цивилизации, цивилизации вообще – искусственное, проектное, техническое начало. Но он прав, что именно европейский рационализм лежит в основании НТП и порожденных ею типов цивилизации: индустриальной, постиндустриальной, информационной и т.д.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ	2
О разнообразии процессов и действительностях	2
1.1. Натуральная онтология.....	2
1.2. Процессуальные понятия в системно-деятельностной онтологии	8
1.3. Синтез.....	12
ЧАСТЬ 2. ЧЕЛОВЕК И МЕНТАЛ	14
2.1. Вопрос появления « Homo sapiens».....	14
2.2. Ментал.....	17
2.3. Другая онтология.....	23
ЧАСТЬ 3. ЧЕЛОВЕК И ЭГРЕГОР	28
3.1. Что можно положить в «четвертое».....	28
3.2. Человек как веполь, организм и эгрегор	31
3.3. Веполь и Орэгр.....	38
ЧАСТЬ 4. ЭВОЛЮЦИЯ: УРОВНИ И ФАЗЫ	41
4.1. Взгляд философии.....	41
4.2. Фазы биосоциальной эволюции	45
4.3. Возникающие гипотезы.....	51
ЧАСТЬ 5. ПРОГРАММЫ В ИЕРАРХИИ	63
5.1. Иерархическая вложенность.....	63
5.2. Совокупность программ.....	65
5.2.1. Основные настройки человека.....	66
5.2.2. Биологические программы.....	69

ЧАСТЬ 6. ОТ СТАИ ДО ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	71
6.1. Стая и ее программа	71
6.2. Программы общества.....	76
6.2.1. Социокультурная программа	78
6.2.2. Социотехническая программа	88
ЧАСТЬ 7. ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА В ОСНОВНЫХ СХЕМАХ	95
7.1. Надсистема и подсистема общества.....	95
7.2. Материал и организованности общества.....	96
7.3. Сборочная модель общества	101
7.4. Основной закон истории	106